

Королевы Среданного мара

Мария Берестова

Любовь
не с первого взгляда

12+

Мария Берестова

Любовь не с первого взгляда

«Автор»

2020

Берестова М.

Любовь не с первого взгляда / М. Берестова — «Автор», 2020

Чтобы защититься от брачных притязаний соседнего монарха, королева выходит замуж за своего советника. Удастся ли двум умным людям превратить свой брак из удачной политической комбинации в нечто большее? - нет буйства гормонов, решающих любые проблемы, герои выстраивают отношения осознанно - мужской персонаж не является удовлетворителем потребностей женского персонажа, у него есть свои скелеты в шкафу и потребности - отношения испытываются не внешними факторами, а внутренним конфликтом характеров - никакой магии чисто для антуража, для антуража держите синие занавески - любые синие занавески неслучайны и что-нибудь символизируют, а все ружья - стреляют - буйство страстей и драму в роман привносят второстепенные персонажи

© Берестова М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава нулевая	5
Часть первая	9
Глава первая	10
Глава вторая	14
Глава третья	20
Глава четвёртая	24
Глава пятая	28
Глава шестая	32
Глава седьмая	36
Глава восьмая	40
Глава девятая	44
Глава десятая	48
Глава одиннадцатая	54
Глава двенадцатая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Мария Берестова

Любовь не с первого взгляда

Глава нулевая

Послам короля Ниии было назначено на день, когда она впервые сменила свой траурный тёмно-синий наряд из тяжёлого бархата на грозовую парчу. Со смерти её отца прошёл ровно год и одно утро, больше она не должна была выдерживать траурную строгость в наряде.

Все оттенки синего были династическими цветами Райанци, и Кая привыкла к ним ещё в свою бытность принцессой.

В тёмно-синих тонах был оформлен и церемониальный зал. Ковровая дорожка, обивка трона, балдахин над ним, наборные мозаичатые панели и тяжёлые портьеры на окнах – всё вокруг сливалось в многоголосую гармонию глубоких сапфировых оттенков.

Нийские послы были одеты в бежевое, и уже сам этот факт внушал королеве лёгкую тревогу.

То, что послам не позволялись какие бы то ни было оттенки голубого и синего, было ясно по умолчанию – посол, надевший цвета чужой страны, этим ставит себя и своё государство на позицию подчиняющегося. Но и надевать цвета своей страны тоже было недопустимо – это можно было толковать как вызов.

Цветом Ниии был коричнево-медовый, именно такого оттенка был самый ценный нийский мёд, – лакомство с лёгкой горчинкой, которое любили и при дворе Райанци. Бежевый, конечно, гораздо бледнее династического оттенка – но всё же это намёк на вызов. Деликатный, аккуратный, вежливый – но всё же вызов.

По крепко сжатым губам старого канцлера и по лёгкому, слегка удивлённому вздоху главы внешней разведки королева поняла, что и они этот вызов почувствовали.

– Послы его королевского величества, короля Ниии Райена IV! – торжественно возгласил церемониймейстер, грозно стукнув по наборному паркету своим величественным посохом, украшенным лазуритом.

Послы раскланялись в полном соответствии с этикетными нормами, выразили все подобающие случаю вежливые фразы – которые, впрочем, после бежевого демарша не сглаживали общее тревожное впечатление, – и вручили королеве свиток с посланием от короля.

По обычаю, свиток был принят канцлером, в то время как глава внешней разведки – по странному стечению обстоятельств бывший и главой дипломатического корпуса – в самых изысканных выражениях благодарил послов.

Свиток, казалось, жёг руки канцлера, но ни он, ни королева не могли добраться до него, пока торжественная часть не будет окончена. Лишь когда послы, а за ними и двор, покинули парадную залу, оставив только членов совета, королева опустила на трон и напряжённо повелела:

– Читайте.

Проворно развернув свиток, канцлер старческим, но хорошо поставленным и привычным к декламации голосом прочёл, как в самых изысканных и величавых выражениях король Ниии, Райен IV, счастлив предложить прекрасной Кайалерейни Се-Рол свою руку и сердце, «для общего процветания и благосостояния наших государств».

Такой пассаж по отношению к правящей королеве со стороны правящего короля выглядел, мягко говоря, дерзко и нагло.

Король Райен был нестарым ещё вдовцом сорока лет, и тревога, которую выдавили судорожно сжатые на резном подлокотнике пальцы королевы, касалась не переживаний по поводу внешности и возраста предполагаемого супруга. Дело было не в личности жениха, а в его мотивах.

Как ни поэтично и возвышенно было составлено послание короля, все присутствующие прекрасно понимали: это изысканная и благопристойная попытка захватить власть в чужой стране.

Бежевый цвет в одежде послов намекал на то, что король не примет отказа.

– Через час в Малом кабинете, – спокойно назначила королева встречу своим советникам. – Господин Се-Данлер, подготовьте отчёт по возможностям организовать силовой отпор. Господин Се-При, меня интересует возможность обеспечения наших кондиций несиловыми факторами. Господин Канлар, положение нийских войск и ситуация при дворе короля. Господин Се-Трие, вызовете представителя Церкви.

Раздав указания, она встала, приняла поклоны и вышла в скромную боковую дверь, за которой её ждал штат фрейлин.

Удара со стороны Ниии ждали. Ближайший сосед, сильная и богатая страна, Ниия давно заглядывалась на Райанци, впрочем, в последний век ограничиваясь стычками на пограничной реке.

Когда ни сразу, ни спустя время после смерти старого короля не последовало ни удара, ни дипломатических шевелений, у советников возникло ощущение, что нийцы выжидают, когда истечёт срок траура.

Предполагали разное, в том числе – и матримониальные планы на королеву. Вот только прочили ей в навязанные женихи второго королевского сына, а уж никак не самого Райена.

Мысль о том, что венценосный собрат станет действовать столь нагло, в головы не приходила, – в конце концов, в образ благочестивого монарха не вписывается женитьбы на ровеснице его детей, а уж чем король Райен дорожил всерьёз, так это своей репутацией благочестивого монарха.

...Малый кабинет королевского дворца был атмосферным местом, настраивающим на рабочий лад. Прадед нынешней королевы приказал обить его деревянными панелями с тонкой резьбой, а её отец заказал у мастеров великолепный стол с наборной полированной столешницей. Широкие стрельчатые окна пропускали много света, так как собранные гардины совсем не загораживали проёмы. Вдоль глухих стен были поставлены шкафы, наполненные книгами в кожаных переплётах и документами – каждому советнику полагался здесь свой шкаф, в котором можно было под рукой хранить необходимые материалы. В верхних отделениях, доступных взгляду, ничего строго секретного не хранилось, а вот нижние ящики имели окованные железом отделения, закрывающиеся на ключ. Сам Малый кабинет на время совещаний отпирала королева лично.

Как только советники собрались, Кая тут же приступила к делу – у них в распоряжении было мало времени, канцлеру должно было отправиться принимать визит вежливости от послов, а после этого их всех ждал большой приём.

– Каковы наши шансы в военном противостоянии, генерал? – обратилась королева к своему главнокомандующему, начав с главного.

Генерал Се-Данлер, славно послуживший во времена почившего монарха, сперва покопался в каких-то бумагах, которые принёс с собой в толстой бумажной папке с красным корешком, после чего деловито принялся докладывать:

– Армия его величества Райена превосходит нашу и по численности, и по вооружению, примерно в три раза. Но часть войск король не сможет отозвать от границы с Ньюном, это грозит ему вторжением. Остальные войска по большей части расквартированы в окрестностях

столицы и на границах с Анджелией, по теперешней погоде, да по лесам, перекидывать их к нашим границам будут примерно полгода.

Главнокомандующий, несмотря на свой большой опыт в военном деле, не умел и не любил выступать в совете: без привычных терминов и вне категорий приказов и орданонсов он чувствовал себя уязвимо. Ему непременно казалось, что нужно объяснить подробнее, почему то или иное действие возможно или невозможно, вероятно весьма или маловероятно; он не умел ответить на прямой вопрос и начинал вдаваться в нюансы, которые существенно запутывали дело. Например, в этот раз ему казалось важным подробнее рассказать про ситуацию на границе Ниии с Ньюном, ведь невозможно с уверенностью предсказать, решится ли король или нет отозвать оттуда войска, а если решится – сколько отзовёт и как быстро переправит.

Кая знала этот недостаток своего генерала, поэтому прервала его размышления новым вопросом:

– Как вы оцениваете текущую ситуацию на границе? Решится ли король переправить пограничные войска через Рьон, сможем ли мы дать отпор?

Вместо генерала на этот вопрос дал ответ глава внешней разведки – именно у него были самые свежие данные.

– Ваше величество, в текущий момент отпор мы дать сможем, – сухо отметил он. – К тому же, Рьон этой весной широко разлился, и это играет нам на руку. Однако к середине лета переправа просохнет, и, если король перебросит свои основные войска сюда...

Он не продолжил, но всем и так было понятно: против богатой и многолюдной Ниии им не выстоять.

– Допустим, – оставила вопрос с военным противостоянием в стороне королева. – Господин Се-При, есть ли у нас шансы дать отпор несилowymi методами?

Министр культуры нахмурил тонкие брови и вынес свой вердикт:

– Существует небольшой шанс, что нам удастся составить выгодный брачный договор, апеллируя к важности сохранения нашего культурного наследия. В таком случае нужно делать особый уклон на язык и национальную поэзию, а также напомнить о секретах нашего ткачества.

– Всё это выглядит весьма слабо и зыбко, – покачал головой опытный канцлер. – Если бы мы могли опереться на поддержку Церкви... – бросил он вопросительный взгляд на приглашённого епископа.

Здесь, возможно, стоит отметить, что этот церковник приходился королеве двоюродным братом. В ранней юности по зову сердца приняв монашество, бывший принц сделал неплохую церковную карьеру, и ныне успешно осуществлял связь между церковной и светской властями.

– Наша церковь поддержит и королеву, и сохранение суверенитета, – отметил он. – Но мы не способны предсказать действия братской Нийской церкви. Они давно уже действуют более в интересах земного царя, нежели Царя Небесного, и прямое противостояние...

Он выразительно промолчал.

Что такое религиозные войны, в Райанци знали не понаслышке, и связываться с фанатичной Нийской церковью хотелось не больше, чем с многочисленной нийской армией.

– Если бы наши культурные притязания могла поддержать Анджелия... – предположил господин Се-При, поглядывая на главу внешней разведки, урождённого анжельца.

– Едва ли, – нахмурился он. – Анджелии нет дела до нашей поэзии и нашего языка, а суверенитет Райанци волнует её гораздо меньше собственных проблем с сухопутными границами.

– Но ведь, если Ниия захватит Райанци, это будет угрожать уже и Анджелии, – возразила с некоторой надеждой королева. – Если нийский король присоединит к себе наш флот, он сможет ударить Анджелию и с суши, и с моря.

– Не с их торговым альянсом, – покачал головой глава разведки. – Ниии выгодна дружба с Анджелией, она открывает торговые пути, и это сполна перекрывает возможные завоеватель-

ные выгоды. Всей Анджелии королю не поглотить, а западные её земли более богаты болотами, нежели полями.

– Хорошо, – мягко резюмировала королева, хотя ничего хорошего она, разумеется, сегодня не услышала. После обратилась к брату: – Вы как церковник скажите нам теперь, какую причину для отказа король не счёл бы оскорбительной?

Тот послушно принялся перечислять, по сути цитируя по памяти соответствующее положение:

– Абсолютным препятствием для заключение брака может являться то, что один из брачующихся уже состоит в браке, либо то, что один из брачующихся принёс монашеские обеты, или если один из брачующихся уже трижды состоял в браке, или если первый брак одного из брачующихся был расторгнут по причине уличения брачующегося в прелюбодеянии, также препятствием служит наличие душевной болезни или физической неспособности отправлять супружеские обязанности. Условным препятствием может быть кровное или духовное родство, а также различие в религиях.

Все присутствующие и без того прекрасно знали перечисленные правила, но слушали с большим вниманием, словно надеясь, что на днях церковь изобрела что-то новенькое, что могло бы их теперь спасти.

– Что ж, – вздохнула королева спустя минуту. – Монахиня править страной не может, следовательно, остаётся лишь одно – я должна вступить в другой брак. – Не встретив возражений против этого логичного вывода, она встала, вынуждая встать и остальных, и добавила: – Мессеры, вы приготовьте мне список кандидатов незамедлительно? Я изучу его после приёма, а утром мы обсудим это вопрос ещё раз, – неуклонное распоряжение вежливо замаскировалось под вопрос и послужило окончанием совету. Королева приняла поклоны своих приближённых и вышла, а те принялись составлять список предполагаемых женихов.

Часть первая

Глава первая

Лёгкая вечерняя прохлада волновала мягкие занавески на окнах в королевских покоях и теребила тонкий исписанный аккуратным почерком лист, простая бумага которого контрастировала с титулами перечисленных на ней персон.

Увы! Даже расширенный список кандидатов на руку королевы не радовал разнообразием и перспективами. Да и можно ли было ожидать, что советники за день совершат чудо, которое оказалось неподвластно самому королю, отцу Каи?

Кае не повезло быть единственным, к тому же – поздним ребёнком у своих родителей. Ей стало суждено сразу стать наследницей престола, и вопрос её брака был решением политическим и первостепенно важным. Отец начал приглядывать дочери женихов ещё задолго до того, как ей исполнилось пятнадцать, – то был обычный возраст для помолвки, – но и к двадцати одному теперь уже королева так и не обзавелась парой.

В этот раз советники превзошли сами себя: в связи с чрезвычайными обстоятельствами список кандидатов возрос вдвое.

Что, правда, не сделало его ни капельки более оптимистичным.

Кая тяжело вздохнула, проведя пальцами по вискам. Что бы там ни было, надо решаться сейчас, иначе всё будет решено за неё.

Взяв досужий листок со своего секретера, королева расположилась в кресле у окна – то было её любимое место для размышлений. Днём отсюда можно было видеть цветы, превращающие балкон в райское местечко, а вечерами и ночами свежий воздух наполнялся ароматами сада и приятно охлаждал разгорячённую государственными заботами голову.

Отослав камеристку и оставив одну свечу, чтобы не раздражать уставшие глаза ярким светом, Кая устремила взор в список и принялась рассуждать.

Имена были выстроены в соответствии со статусом их обладателей, поэтому первой строкой был упомянут тот самый король Ниии, Райен IV.

Кае сложно было представить, почему обычно осторожный в своих поступках король пошёл на такой демарш. Ещё в начале своего правления юный король сделал ставку на Церковь. Явив собой пример благочестивого монарха, он укрепил свои позиции и добился всеобщего почитания. При других королевских дворах искренне гадали, была ли вера короля истинной или показной, но даже самая искушённая разведка не смогла раздобыть порочащих короля фактов – даже на банальной супружеской измене его не удалось поймать ни разу.

Для такого короля естественно было бы с честью нести своё вдовство, а уж никак не свататься к юной королеве соседней страны. Даже под предлогом... как там?... «...процветания и благосостояния наших государств».

Получается, король Райен предлагает представить свой поступок как помощь соседней стране, оставшейся без крепкой мужской руки. Опытный король берёт под покровительство юную королеву – выглядело бы даже благородно, если бы не целых два «но».

Райанци не нуждалась в помощи извне, а у самого короля был неженатый сын – ровесник королевы.

Поступок короля выглядел странно и внушал тревогу: значит, он, как минимум, уверен, что его поддержат и Церковь, и союзники.

Кая хмуро вглядывалась в имя короля, пытаясь проникнуть в его замыслы и разобраться, в чём же ловушка – ведь на первый взгляд порыв подан как благородный и братский.

Скорее всего, решила королева, он полагает, что мы не сумеем отстоять свой суверенитет ни силой, ни дипломатией. Раз он предлагает в качестве супруга не младшего принца, а себя, значит, имеет какой-то план на то, как передать и Ниию, и Райанци старшему сыну,

в обход правящей династии Райанци. Предположительно, это может быть такой хитрый ход, чтобы лишить королеву возможности произвести на свет наследника – кто знает, сколь искусен может быть молодой уже мужчина, желающий формально соблюдать исполнение супружеского долга, не производя при этом на свет детей.

Королева покачала головой. Она теряет время, пытаясь отгадать планы короля. В любом случае видно, что дело тут нечисто и соглашаться нельзя, а значит, этого кандидата можно смело отбросить.

Вторым в списке значился принц – третий сын владыки Ньюна. Партия, на первый взгляд, более чем выгодная – недаром этот принц даже приезжал с посольством на неофициальные смотрины. Отец всерьёз рассматривал этот брак. Ньюн – естественный союзник Райанци. Если последняя граничит с Ниией с севера, то Ньюн примыкает к ней с юга. Воинственный народ Ньюна регулярно пытается расширить свои территории за счёт соседа, и союз с принцем идеален, если нужно противостоять Райену.

Но и здесь есть свои препятствия, которые в своё время расстроили предполагаемую помолвку. И дело не только в горячем и пылком нраве принца – все выходцы южного Ньюна славятся огненным характером.

Наследование в Ньюне было делом запутанным: престол доставался не старшему сыну, но – сильнейшему. Не было никаких гарантий, что новоиспечённый муж не бросит страну и королеву и не понесётся в родные края, услышав о какой-нибудь болезни отца – ведь гораздо приятнее быть самодержавным владыкой Ньюна, чем принцем-консортом в Райанци. Да даже если владыкой станет кто-то иной – нравы в Ньюне самые кровожадные. Муж королевы и их дети будут рассматриваться Ньюном как возможные соперники – а здесь и опасность войны, и покушения, и интриги. В долгосрочной перспективе такой брак принесёт одну только головную боль, но всё же это самое выгодное, с политической точки зрения, решение, из тех, какие есть в её распоряжении.

Ньюнского принца королева, вздохнув, подчеркнула, и перешла к следующему имени.

Третьей строкой был указан, ни много ни мало, троюродный брат самой королевы. Действительно, хотя церковь и не поощряла близкородственные браки, в случае с решением династических вопросов могла и пойти навстречу. Да, князь Се-Рол – со всех сторон хороший вариант. Власть сохраняется в руках династии, а троюродная ветвь перестает мутить воду и становится полностью лояльной престолу. С точки зрения внутренней политики, это блестящее решение.

С некоторым энтузиазмом Кая подчеркнула брата и продолжила чтения.

Четвёртым шёл дальний родственник нийского короля. Яркий, но безалаберный тип, который не терял надежды свергнуть любимого народом и союзниками короля и занять его трон. Нет, этот точно нет, – политический безумец, брак с ним – это неизбежная война в ближайших перспективах. Королева неодобрительно покачала головой: отсутствие холодного и трезвого расчёта казалось ей преступлением для правителя, а четвёртый жених явно не был в ладах с логикой и разумом.

Пятым почему-то записали одного таинственного мага с Понта – видимо, не смогли определить его статус. А может, советники посочувствовали королеве и решили её посмешить. Вот уж жених! Встреча их была самой что ни на есть нелепой, в неземную любовь с первого взгляда тогда ещё принцесса, конечно, не поверила, но маг прислал предложение руки и сердца по всем правилам высокой дипломатии и до сих пор торжественно ходил в официальных претендентах – просто потому, что никто не знал, как и куда направить отказ. Понт был государством закрытым и недоступным, а про местных магов ходили разве что легенды. Конечно, заманчиво иметь в мужьях могущественного чародея, который одним движением брови сотрёт в порошок вражескую армию – но Кая была прагматиком, и в магию не верила. Сомнительный жених, пожалуй, только фокусы и способен показывать, а если бы и умел что-то большее – родная

церковь точно не потерпит такого святотатства. На костёр, может, и не пошлют, но анафеме королеву, связавшую жизнь с магом, могут и предать.

Отсмеявшись по поводу мага, Кая с любопытством принялась вчитываться во вторую часть списка, в которой были перечислены кандидаты попроще – предложенные советом в виду крайней степени нужды. Речь уже не шла о поиске выгодного союза или подборе толкового консорта – речь шла о необходимости сохранить суверенитет страны. Сюда предложили кандидатов, которых можно будет взять в мужа быстро, которые не доставят особых проблем престолу и более или менее подходят королеве по статусу.

Этот список невыгодных, но возможных союзов торжественно открывал генерал Се-Данлер, пусть и немолодой, но знатный, популярный в народе и всецело доказавший свою преданность стране и трону – если шрамы украшают мужчину, то генерал, без сомнения, и в свои сорок пять оставался красавчиком. В целом, неплохой вариант, хотя и не блестящий. Для консорта генерал слишком прямолинеен и напорист. Привык к военной тактике, искусство дипломатии не для него. Но всё же совсем сбрасывать его со счетов нельзя, поэтому с некоторым колебанием – всё же ему целых сорок пять, а при всём её королевском уме для юной девицы это уже ужасающая цифра! – Кая подчеркнула и генерала.

За генералом стояло имя, заставившее королеву просветлеть лицом и улыбнуться. Красавчик Се-Крер. Блестящий юноша одной из знатнейших фамилий. Харизматичный балагур и любимчик всех дам. Кая и сама была в него влюблена, когда ей было двенадцать. Да и как не влюбиться? Остроумный, дерзкий, яркий мальчишка – в свои двадцать пять он и оставался мальчишкой. Если ей нужна красивая картинка на месте консорта, то это – идеальный вариант. С некоторым даже удовольствием Кая подчеркнула и Се-Крера, хотя всерьёз его не рассматривала. Лучше уж троюродный братец.

Следующее имя снова заставило королеву рассмеяться – хотя, честно говоря, тут был не до смеха, советники явно включили его от отчаяния. Предполагаемому жениху было четырнадцать. Впрочем, это логично: в пятнадцать среди дворян принято заключать помолвки, и найти кого-то свободного среди более взрослых молодых людей становится проблематично. Среди юных этот кандидат явно выделялся своим умом, Кая помнила его неплохо, он несколько раз появлялся при дворе, и произвёл на неё самое благоприятное впечатление. Он был на заметке и у отца, и у канцлера – ему прочили со временем должность в совете.

Со временем – ключевые слова.

Пока ему четырнадцать, и даже ради политических соображений Кая не готова брать себе в мужа сущего ребёнка, пусть и с выдающимися способностями.

Ещё одним женихом значился глава внешней разведки, господин Канлар. Королева с удивлением приподняла брови: это в каком же отчаянии был канцлер, что разрешил этот вариант? Или к концу списка канцлер уже сбежал принимать послов? Это было разумным объяснением такой небрежности.

Господин Канлар был хорош всем, кроме одного: он был чужестранцем. Да, он эмигрировал в Райанци семнадцать лет назад, из-за серьёзного конфликта с тогдашним правителем. Да, ему удалось не только завоевать доверие короля, но и, по сути, единолично организовать и поднять на себе всё министерство внешней разведки. Да, у него в активе – пятнадцать лет беспорочной службы.

И три перевербовки.

О каждой из которых король узнавал благодаря своим соглядатаям, и о каждой из которых господин Канлар докладывал лично.

В его лояльности не сомневались ни отец, ни сама Кая, а вот канцлер – сомневался весьма, и это правильно. Негоже, чтобы в правящей среде кому-то доверяли безоговорочно; Кая могла себе позволить доверять главе своей разведки, потому что её канцлер ему не доверял.

С другой стороны, подумала Кая, так и до абсурда недалеко. Можно ведь предположить, что и троюродный брат решит, например, отравить жену, а генерал запрет её в покоях и осуществит государственный переворот. Вполне доверять нельзя никому, и у неё не больше поводов всерьёз сомневаться в Канларе, чем в любом другом своём соратнике. Поэтому королева подчеркнула и это имя.

Последним в списке стоял человек, мысль о котором тоже удостоилась улыбки. Главный финансист страны был единственным кандидатом, не обладающим дворянским титулом (впрочем, заезжий маг тоже мог оказаться кем угодно, но тут уж не проверишь). Несмотря на то, что ситуация с социальными лифтами в Райанци оставляла желать лучшего, на столь высокий пост удалось пробиться обычному купцу. Впрочем, нет, мы слушаем, назвав его обычным: это был купец в пятнадцатом поколении, отлично знавший своё ремесло.

Кая благоволила к нему как к мастеру своего дела – финансы страны при нём и впрямь пришли в изрядный порядок, чего не могли добиться финансисты «из благородных», не очень-то готовые к работе с такими материями. Как финансист её советник был идеален, но как консорт? Брак королевы с купцом точно послужит поводом для волнений, да и манеры его далеки от необходимого консорту уровня.

Это имя королева подчеркнула машинально, скорее отчерчивая тем череду своих размышлений.

Нет, со времён её пятнадцатилетия вопрос о личности жениха не стал более простым, и даже дополнительная пятёрка кандидатов его не сделала проще.

Идеального принца-консорта ей не найти, и нужно просто выбрать лучшее из того, что есть в её распоряжении.

Очередной порыв совсем уже холодного ветра заставил королеву вздрогнуть: отчётливо наступила ночь. И завтра ей не только вести Малый совет с утра пораньше, до того, как придёт час давать ответ послам, так ещё и этих послов развлекать вечерним балом. Да и текущие дела никто не отменял: проблемы с мятежами прибрежных деревень и пошлин на морскую торговлю требовали внимания. Да и где-то в столице затаилась секретная секта, а на севере, на болотах, от наводнений и последующей за ними сезонной лихорадки погибла четверть населения тех земель.

Выбор жениха был важнейшей, но не единственной проблемой королевы, поэтому лучшее, что она могла сделать – лечь спать и постараться хорошо отдохнуть.

Глава вторая

Утром королева впорхнула в Малый кабинет свежей и отдохнувшей. И сама Кая, и её отец считали, что для правителя умение хорошенько выспаться даже в самой стрессовой ситуации – умение первостепенной важности. Вся жизнь правителя состоит из сплошных проблем и чрезвычайных ситуаций, тот, кто ждёт благоприятного момента для полноценного отдыха – сломается под этим непосильным грузом.

Кая с юности владела искусством отключаться от проблем и засыпать крепким здоровым сном, и это умение выручало её уже неоднократно.

Малый совет, в отличие от Большого, проходил в обстановке неформальной. Поскольку Малый кабинет открывала королева своим ключом лично, сановники собирались заранее в уютной гостиной с камином, ожидая прихода Каи. Открыв кабинет, та первая влетала туда, а уж потом заходили советники – совершенно недопустимое протоколом дело в любых других ситуациях, когда монарху не пристало ждать и полминуты. Королева была до глубины души благодарна отцу, приучившему первейших соратников к такому неформальному порядку, – это позволяло ей хоть немного отдохнуть от гнёта этикета и решать насущные вопросы в живой дружелюбной атмосфере.

Из присутствующих на совете она выглядела самой бодрой, и сходу принялась давать указания вице-канцлеру:

– Прошу вас, составьте черновик ответа нийским послам прямо сейчас. Подберите формулировки повежливее – господин Канлар вам поможет, – и выразите наше огорчение по поводу необходимости отклонить столь благородное добрососедское предложение в связи с тем, что я уже помолвлена. Имя пока не вписывайте.

Пока члены совета переговаривались и рассаживались, королева успела ещё отдать приказ камергеру подать чай с лёгкими закусками прямо сюда. Сегодня они работали в режиме жёсткого цейтнота, и выбраться на полноценный завтрак ни у кого возможности не будет.

Убедившись, что все, наконец, заняли свои места, Кая не стала откладывать дела и напористо начала:

– Итак, мессеры. У нас час на то, чтобы выбрать принца-консорта для Райанци, поэтому говорите коротко и по существу. Что вы думаете о кандидатуре третьего принца Ньона?

Первым своё мнение горячо высказал канцлер:

– Ваше величество, вы помните, ваш батюшка был против этого союза. – Далее он сухо и коротко перечислил уже передуманные королевой аргументы и добавил: – Кроме того, его высочество, при всём уважении к титулу, горяч и вспыльчив сверх меры. Подумать страшно, каких дел он может наворотить!

Доводы канцлера были несокрушимы. Варварские обычаи Ньона были широко известны по всему миру. Стать женой одного из ньонских принцев – серьёзный риск. Отец Каи отказывался на него идти, и сама Кая придерживалась того же мнения, но мечту о союзе с Ньоном было жалко.

Минуту королева взвешивала все за и против, выжидательно поглядывая на советников – не найдётся ли у кого аргументов в пользу такого выбора? Аргументов ни у кого не нашлось, слишком велика была разница в менталитете между северным сдержанным народом и южной страстной кровью.

– Что ж, господин канцлер привёл справедливые доводы, – вздохнула королева. – Как ни заманчив союз с Ньоном, он даст нам только сиюминутные выгоды – и серьёзные осложнения после. Давайте лучше рассмотрим кандидатуру моего кузена.

Кандидатура князя Се-Рол была хороша всем, кроме близкого родства. Поскольку к этому моменту слуги принесли в Малый кабинет чай и закуски, обсуждение перешло в общий неформальный режим. Там и здесь озвучивали перспективы подобного брака и сопряжённые с ними трудности.

Кая позволила себе слегка расслабиться и опереться подбородком на кулачок. Прилюдно она не могла себе разрешить позы такого рода, но на совете, среди своих людей, иногда устраивала себе поблажки.

На лице королевы читалась крайняя степень уныния – шумиха в совете была вполне оправдана. Даже если Райанская церковь и даст разрешение на подобный брак, нет никаких гарантий, что Нийская церковь его признает – король Райен, как мы уже отмечали выше, уделял особое внимание этой структуре. Брак Каи со своим кузеном мог привести к серьёзному церковному расколу – и советники пытались сейчас оценить риски и высчитать вероятные последствия таких решений.

– Дорогая племянница, – склонился к королеве близидящий советник, родной брат её матери, – по правде сказать, стране нужен сильный консорт, а князь, как вы понимаете, едва ли соизволит оставить свои горы и привычный уклад.

Действительно, в своё время родной брат деда Каи взял на себя почётную обязанность охранять горные рубежи на махийской границе. Он блестяще справлялся с этой обязанностью, и сын его продолжил то же дело. К настоящему моменту границы защищал уже третий представитель этой ветви династии, тот самый предполагаемый жених, и защищал блестяще. В отличие от «большой» войны, которой заведовали генералы, князь занимался «малой» горной войной, где было место подвигам и схваткам один на один, засадам и отчаянным манёврам, где дело решало не количество войск и не уровень их вооружения, а удаль предводителей, отвага и кураж. По правде сказать, князь стал адреналиновым наркоманом – трудно было представить его в роли придворного политика.

– Это так, дядюшка, – тихо ответила Кая на возражения против этого брака, не забывая при этом слушать дискуссию по поводу возможного вмешательства Анджелии в возможный церковный раскол, – но тогда мой выбор и совсем ограничен, – она грустно покачала тонкой фарфоровой чашечкой, отчего напиток в ней пошёл красивыми волнами.

Согласно кивнув, дядя отчертил ногтем вторую часть в списке женихов, который всё ещё лежал перед королевой:

– Вы ведь и сами понимаете, ваше величество, что вам придётся выбирать кого-то и нас.

Конечно, он не имел в виду себя; но, в самом деле, трое из пяти предложенных «новичков» принадлежали к участникам нынешнего совета – единственным на совете, кто оставался холост или вдов.

Генерал, глава внешней разведки и финансист. Военная сила, дипломатия или деньги.

Кая некоторое время смотрела на эти имена, не забывая слушать сетования советников по поводу невозможности династического союза с Анджелией (в отличие от большинства ведущих государств, Анджелия давно перешла на демократический строй управления, и пытаться заключить брак с сыном нынешнего её правителя было делом бессмысленным – через год у них очередные выборы, и правитель сменится).

Аккуратно отломив кусочек тонкого нежного печенья, королева снова и снова крутила в своей голове мысль: армия, дипломатия, деньги.

Сделав ещё глоточек чая, она чуть не рассмеялась: какие глупости! Как будто после того, как она выберет одного, двое других её оставят!

И военная мощь, и дипломатическая хитрость, и финансовый гений, вне зависимости от выбора жениха, останутся на службе Райанци.

Значит, следует выбирать, кто из них в роли консорта сумеет проявить себя лучше, чем на текущей должности.

Пригодится ли гениальный ум стратега и волевой характер генералу, если вместо штаба он отправится в тронный зал? Уместны ли будут интриги и словесные реверансы Канлара на троне? Что господин купец будет подсчитывать в покоях консорта?

– По совести говоря, у нас остаётся только господин Канлар, – поделилась Кая своими выводами с дядей, кивая на главу разведки, который как раз сейчас был занят перечислением знатных анжельских родов, имеющих влияние (советники надеялись отыскать там какого-нибудь неучтённого жениха).

– Если только он не найдёт сейчас себе подходящую замену среди своих соотечественников, – тонко улыбнулся дядя.

Королева слегка усмехнулась, поигрывая канале:

– Мы, кажется, говорили о необходимости сильного консорта?

В глазах дяди, прихлёбывающего чай, заиграли смешинки:

– Канлар не из тех, кого устроит роль бесправного консорта при правящей королеве.

Лицо Каи всем своим выражением изображало насмешку, когда она указала на другое имя в своём списке:

– Если нам нужен бесправный и декоративный консорт, нужно брать господина Се-Крера.

– Он будет великолепно смотреться на портретах, – с улыбкой согласился дядя.

Кая на секундочку возмечтала о муже-красавчике, герое её юношеских грёз. Да, расставаться с мечтой было жалко, но Се-Крер будет даже хуже финансиста – тот, пусть и бесполезен в роли консорта, во всяком случае, не приносит бы и вреда. А что может натворить на горячую голову Се-Крер – и без того знала вся столица. Вести о его похождениях всегда были первой темой у сплетников. Пожалуй, с таким консортом только королевский престиж ронять.

По губам королевы скользнула тонкая усмешка. Убедившись, что глава разведки не участвует в общем разговоре (советники всерьёз обсуждали кандидатуру анжельского адмирала, бравого одноногого морского волка), Кая подозвала его к себе.

Хотя речь шла о вопросе сугубо политическом, и королева с детства привыкла относиться к таким вопросам словно бы через стекло безразличия и отстранённости, не будем забывать, что она, при всех своих талантах, оставалась юной девицей, поэтому вполне естественно чувствовала некоторое смущение от необходимости заявить мужчине, что выбрала его себе в мужа. Впрочем, мысль перевалить эту почётную обязанность на плечи дяди или канцлера ей даже в голову не пришла: королева всегда несёт всю полноту ответственности за свои решения. Однако девичья стыдливость восставала против королевской рациональности, поэтому голос Каи немного дрогнул, незаметно для любого постороннего, но явственно для приближённых, когда она тихо сказала подошедшему мужчине:

– Господин Канлар, я нахожу вашу кандидатуру наиболее удачной из предложенных.

Здесь имеет смысл отметить, что упомянутый господин Канлар был вполне доволен своим местом, и на роль консорта не рвался. Однако, отдав пятнадцать лет своей жизни искреннему служению во благо и процветание своей второй родины, Канлар не чувствовал возможным трусливо оставить Райанци своей судьбе. Что не помешало ему, впрочем, сделать попытку избежать приготовленной ему участи, любезно предложив:

– Берите Се-Крера, ваше величество, я попрошу своих ребят научить его сдержанности.

– Вам так надоели ваши люди? – против воли улыбнулась королева: если у Се-Крера и был какой-нибудь талант, то это, несомненно, был талант дуэлянта.

– А вы полагаете, он настолько безнадёжен? – так мило нарушил правила этикета Канлар, ответив на вопрос королевы вопросом, что та искренне рассмеялась.

В глазах советника промелькнуло узнаваемое удовольствие от хорошо провёрнутой мини-интриги, и Кая тут же догадалась, что её любезно рассмешили, чтобы освободить от смущения по поводу этого деликатного вопроса. Королева с пониманием переглянулась с дядей –

именно это умение мгновенно реагировать на ситуацию и поворачивать её к выгоде всех сторон они особо ценили в главе внешней разведки, по совместительству – главном дипломате двора.

Переглядки не остались незамеченными, и Канлар вернулся к серьёзному тону и сдержанно поклонился:

– Прекрасный и мудрый выбор, ваше величество, и я сделаю всё, чтобы оправдать ваше доверие.

– Прекрасно! – кивнула королева, жестом отпуская теперь уже жениха, и быстро выскочив глазами и голосом вице-канцлера, чтобы отдать ему соответствующие распоряжения по поводу имени.

После королеве лишь оставалось прервать дебаты советников и объявить им своё решение. По большей части оно было принято с воодушевлением: за годы, проведённые при дворе, чужак успел завоевать симпатии вельмож, а надежды подкрепить союз с Анджелией явно склоняли мнения в его пользу.

Отпустив всех, кроме дяди и канцлера, Кая устало распорядилась, как всегда, маскируя приказ под форму вежливой просьбы:

– Господа, я нуждаюсь в вашей помощи в одном деликатном деле. Смогли бы вы за сегодняшний вечер проработать регламент для короля-консорта? Наброски я для вас сейчас составлю.

Канцлер и дядя удивлённо переглянулись. В истории Райанци уже были прецеденты, когда престол наследовали особы женского пола, но в этом случае их мужья получали декоративный титул принцев-консртов. По сути, этот титул не давал никаких прав и не налагал иных обязанностей, кроме как являться на все мероприятия подле королевы и являть собой образец внешнего благонравия.

– Простите, ваше величество, – решился уточнить канцлер. – Что вы имеете в виду?

– Минутку, господа, – лёгким жестом Кая отмахнулась от вопроса и принялась что-то быстро строчить на бумаге. Спустя пару минут она передала записи советникам: – Взгляните, пожалуйста. Возможно ли это осуществить?

Чистым и строгим почерком королевы было прописано несколько пунктов, дающих королю-консрту в руки реальные полномочия, пусть и лишая его при этом возможности править страной единолично. По замыслу Каи, в случае её смерти король-консорт не мог наследовать трон, разве что оставаться регентом при малолетнем наследнике. В остальном он получал полномочия, равнозначные главе правительства.

– Ваше величество! – осуждающе покачал головой канцлер, вчитываясь в бумагу.

Кая сделала нетерпеливый жест рукой:

– Раз уж я беру в мужья умного мужчину, давайте не будем унижать его декоративным титулом, господа.

– Это очень рискованное решение, – продолжил качать головой канцлер. – Что скажет народ? Назвать королём чужестранца!

В глазах Каи мелькнуло грозное недовольство:

– Не королём, мессир, а королём-консртом. Верховную Богом данную власть в стране по-прежнему представляю я, законная продолжательница королевского рода.

Неодобрение канцлера так и стояло в воздухе.

А вот дядя откинулся на спинку кресла и мечтательно произнёс, глядя в потолок:

– Так ведь тот же принц Мануэл, если мне не изменяет память, был, фактически, таким самым королём-консртом. Только назывался принцем.

Канцлер упрямо не сдавался, хмурая седые брови:

– Принц-консорт Мануэл занимал должность верховного канцлера ещё до того, как стал супругом королевы Реи. Он сохранил свой пост и после свадьбы, но никогда не назывался королём.

– Однако он выполнял все те функции, которые я планирую возложить на короля-консорта, – не терпящим возражений тоном оборвала его Кая. – Или, мессир, вы предлагаете мне выйти замуж за вас?

– Помилуй Боже, что я скажу моей старухе? – рассмеялся канцлер. – Вы, безусловно, прелестны, ваше величество, но меня вполне устраивает моя собственная жена.

Кая лучезарно улыбнулась:

– Возможно, вы просто не хотите передавать часть своих полномочий моему будущему супругу?

На это канцлер лишь рассмеялся:

– Не вы ли отказались принять мою отставку, прошение о которой я клал на ваш стол три месяца назад, ваше величество?

Кая вмиг посерьёзна:

– Не вы ли уже десять лет готовите собственного зятя занять ваше место?

Вице-канцлер действительно приходился канцлеру зятем, и в своё время это оказалось важным аргументом в его пользу. Покойный ныне король шутил, что, коль скоро такой строгий отец, как канцлер, доверил свою единственную дочь этому мужчине, то управление страной ему доверить тоже можно.

– Меня тревожит не столько будущее положение моего зятя, – нахмурился канцлер, – сколько не самое удачное распределение обязанностей. Если господин Канлар унаследует мои дела, то кто займётся внешней разведкой?

Королева бросила на собеседника долгий и задумчивый взгляд:

– Вы не совсем правильно поняли мою мысль, господин Се-Трие, – вежливо отметила она. – Ваши полномочия я передавать не собираюсь, и, даст Бог, в своё время вице-канцлер будет справляться с ними в полном объёме. Но вы забываете, что на ваши плечи легли сотни других дел, которыми больше некому было заняться. Всякий раз, как у нас возникает задача, которую некому поручить, за неё берётесь вы. Согласитесь, эта ноша чрезмерна.

Канцлер откинулся на спинку стула: возразить было нечего.

– Я подготовлю к вечеру свои замечания по этому проекту, – сказал он наконец, кивая на листок, – Хотя я нахожу ваше решение рискованным, я понимаю ваше нежелание с первых же шагов портить отношения с человеком, который должен стать вашей надёжной опорой и поддержкой. Господин Канлар, в самом деле, из тех, кому роль консорта может показаться унижительной, и не факт, что его стремление послужить государству сможет сгладить удар, нанесённый его гордости. Возможно, это не было решением мудрой королевы, но, безусловно, это было решением мудрой женщины.

Кая слегка расслабилась и улыбнулась:

– Слава Богу, что благодаря своим советникам я могу себе позволить иногда быть женщиной, а не королевой!

На это высказывание рассмеялись все трое. Затем королева хитро прищурилась и добавила:

– Вы смотрите на мой проект так, будто бы мы даём господину Канлару в руки мощное оружие и оставляем его без контроля. Не забывайте, что он не сможет принимать важные решения без моего согласия, а за каждым его шагом по-прежнему следит моя внутренняя разведка.

Хотя сказанное королевой было уместным и разумным, все снова засмеялись.

Дело в том, что внутренняя разведка в королевстве была организацией ужасно засекреченной, и никто, кроме королевы, не знал, кто является главой этой разведки. Господин Канлар видел в этом профессиональный вызов, и не первый год пытался подловить коллегу, раскритиковать его личность. Неудачи на этом поприще не смущали его, а только добавляли азарта; весь совет с глубоким интересом ожидал следующей теории и фееричного разоблачения «теневого

советника», а отец Каи, после же и она сама, иногда передавали комментарии загадочного разведчика по поводу этих разоблачений.

Резюмировал итог встречи дядя:

– Сильный консорт точно принесёт стране больше прока, чем декоративный красавчик в этой роли. Будьте покойны, племянница, мы с господином Се-Трие подготовим правки и наброски уже к вечеру.

– К вечеру? – очаровательно похлопала ресницами Кая. – А как же бал?

Дядя и канцлер переглянулись с мученическим видом.

– К вечеру, – было их единодушное решение.

Чтобы не щелкать нийского короля по носу уж слишком откровенно, о помолвке нужно было объявить как можно скорее. Конечно, дело шито белыми нитками, и король поймёт, что мужа королева выбрала скоропалительно и лишь для того, чтобы избежать навязанного брака. Но приличия, господа! Приличия должны быть соблюдены.

Так что о помолвке следует объявить до конца недели. Мол, решено было уже давно, но ждали срока окончания траура. И ещё несколько дней после, чтобы это не казалось поспешностью, выглядящей как неуважение к почившему королю: мол, только и ждали, когда уже этот траур закончится. Нет, пара-тройка дней – самый оптимальный срок. Ведь все же понимают, что нужно и о наследниках позаботиться.

Глава третья

На следующий день в одном из коридоров дворца можно было наблюдать презабавную сценку. Камердинер господина Канлара, мужчина настолько солидный и представительный, что его и самого можно было бы принять за знатного вельможу, расхаживал по галерее взад и вперед с таким видом, будто просто прогуливается. Это было бы почти естественно, если бы только камердинер этот не имел привычки в любую погоду прогуливаться строго на свежем воздухе, а уж никак не по коридорам.

Картина стала ещё любопытнее, когда сюда бодрым шагом прошествовала камеристка её величества – юная и ловкая особа.

Встретившись на середине галереи, камердинер и камеристка, будто бы не заметив друг друга, было разошлись, но только для того, чтобы через три шага хлопнуть себя по лбу и резко развернуться обратно.

– Мадемуазель, – величаво поклонился камердинер.

– Мсье, – ответила ему вежливым реверансом камеристка.

Камердинер улыбнулся.

Камеристка спрятала лукавую смешинку во взгляде, скромно опустив ресницы. Впрочем, любопытный и весёлый блеск глаз выдавал её с головой.

– Мадемуазель, – повторил свой поклон камердинер. – Уж не меня ли вы искали?

– Мсье, – снова присела в реверансе камеристка, – именно вас!

– Мадемуазель, – несмотря на третье повторение, каждый раз в это обращение вкладывалась новая богатая интонация, – уж не нашлось ли у вас вестей для моего господина о вашей госпоже?

– Мсье, – в той же манере ответила камеристка, – именно они и нашлись!

Таким образом, троекратно раскланявшись, парочка подошла уже к окну, где камеристка, словно большой секрет, поведала камердинеру на ухо:

– Я бы обратила ваше внимание, мсье, что погода стоит чудесная, и прогулка по саду могла бы очень порадовать её величество, уставшую от государственных дел!

– Мадемуазель! – тихо, но восторженно воскликнул камердинер.

– Мсье! – прощаясь, вернула ему интонацию камеристка.

После этого странного обмена репликами они разошлись, каждый – в своё крыло дворца.

...а всего через полчаса Кая получила записку от господина Канлара, в которой последний в самых изысканных и велеречивых выражениях приглашал её на романтическую прогулку по вечернему саду.

Доподлинно неизвестно, кому из этого квартета пришла в голову идея столь странных расшаркиваний. Просто королева посчитала, что как-то неделикатно звать на свидание жениха самой – всё же она королева, а он её советник, и такое приглашение чересчур попахивает приказом. Просто господин Канлар посчитал, что приглашать королеву на свидание в обход её воли – как-то против субординации, всё-таки она правительница, а он её подчинённый. Оба они независимо друг от друга пришли к выводу, что ни королеве не пристало устраивать подобные встречи, ни главе разведки не по чину проявлять самоуправство. Ни Кая, ни господин Канлар не сомневались, что другая сторона пришла к тем же выводам, что и первая, поэтому один послал своего камердинера просто прогуляться по галерее, а другая отправила свою камеристку просто побродить в тех же краях.

Интрига прошла как по нотам: приглашение было послано и принято, и свидание состоялось.

Стоит отметить, что, несмотря на богатый дипломатический опыт и семнадцать лет знакомства, обе стороны несколько нервничали: дело в том, что за все эти семнадцать лет королева и её советник ни разу не встречались наедине.

К тому же, каждого из них обуревали свои волнения. Королеве ни разу не приходилось принимать мужские ухаживания, выходящие за рамки дворцового флирта, и она слабо себе представляла, как себя вести в такой ситуации и как вообще выстраивать общение такого рода. Она переживала, что, с одной стороны, может повести себя недостаточно достойно и уронить свой королевский авторитет, с другой – оказаться слишком отстранённой и холодной и не сумеет найти точки соприкосновения в неформальном общении с будущим мужем. Две этих крайности выделялись ей отчётливо, а вот золотая середина между ними – как-то не очень. Даже такое просто дело, как выбор наряда, заставил её понервничать: необходимо было и показать её готовность к сближению, и не показаться при этом навязчивой либо слишком наивной. Право, та ещё дипломатическая задачка!

Впрочем, здесь она нашла решение достаточно быстро: выбрала своё обычное платье для прогулок, заменив строгий редингтон на тёплую ажурную шаль. Кажется, то, что надо, чтобы казаться менее строгой и холодной, чем обычно.

Если вы считаете, что дипломат со стажем и более опытный в любовных делах Канлар волновался меньше, то вы ошибаетесь. С одной стороны, сама идея такого брака свалилась на него неожиданно и без предупреждения, обстоятельства, по сути, не оставили выбора, – а мало какой мужчина будет испытывать энтузиазм, оказавшись в ситуации, когда ему придётся жениться на девушке, которую не он себе выбирал – пусть эта девушка и королева. С другой стороны, глава внешней разведки уже оценил жест Каи по поводу особого регламента и нового статуса для него; стоит так же отметить, что у Канлара и в целом за годы при дворе развилась привычка опекать юную принцессу. Но всё же один вопрос не давал мужчине покоя: стоит ли брать с собой букет?

Несмотря на не слишком богатый опыт свиданий, Канлар, безусловно, не пренебрегал этим джентельменским жестом, и исправно таскал цветы на любые неформальные встречи с женщинами. Пользуясь принципом «лучше перебдеть, чем недобдеть», он, к тому же, всегда отсылал цветы дипломатическим гостям его министерства, среди которых бывали и весьма знатные и капризные особы.

Но дарить цветы королеве! Это как-то совсем не укладывалось в его голове: она и цветы! Королевам подносят редчайшие драгоценности или редких породистых коней, диковинки ткачества либо изысканные поэмы, но никак не букеты!

К тому же, брак их был решением политическим, и было бы и жалко, и нечестно пытаться делать вид, будто здесь имеют место какие-либо романтические сантименты. Канлару несомненно казалось, что он только унизит королеву какими бы то ни было романтическими жестами – ведь они со всей отчётливостью подчеркнут, на какой эмоциональной пустоте строится их брак.

Он уже совсем было склонился к мысли, что букет брать не стоит (сам объект его размышлений был приготовлен заранее и дожидался своей судьбы на столике), но в последний момент передумал, вспомнив, что опыт королевы в плане свиданий был нулевым, а являться на первое для девушки свидание без цветов – это уж совсем запредельное свинство, вне зависимости от того, как и почему ты оказался тем, кто ведёт её на это самое свидание.

Тут мы должны признать, что королева никак не ожидала каких бы то ни было романтических жестов, и крайне смутилась, когда жених преподнёс ей букет. Канлар сразу же оценил обстановку и среагировал блестяще. Подхватив королеву под руку таким жестом, будто это было для него самое обычное действие, он принялся делиться очередной своей теорией:

– Я уверен, я разгадал его! – сказал он с чётким торжеством в голосе, заставив этим Каю отвлечься от своего смущения.

Она подняла на собеседника удивлённый взгляд и тут же смутилась снова – уж слишком непривычно близко оказался для неё глава внешней разведки.

– Признайтесь, это церемониймейстер, – поиграл Канлар бровями. – Я угадал?

Мини-интрига снова прошла на ура: Кая искренне рассмеялась, осознав, что её спутник в очередной раз пытается раскрыть инкогнито своего коллеги.

– Какие же у вас доказательства в этот раз, мессир? – с живым любопытством спросила она, позабыв и про смущающий букет в своих руках, и про то, что её ведут под руку по саду.

– Самые неоспоримые, – весомо набивал цену своему мнению Канлар. – Вы заметили, как он позавчера косился на нийского посла? И потом, после приёма он выходил последним, уверен, он пытался расслышать, что читает вам канцлер!

– И всё? Не маловато ли? – разочаровалась в теории королева.

– Конечно, нет! – поспешили разуверить её. – Стал бы я беспокоить вас своими догадками по столь незначительным предпосылкам? Я наблюдал за ним на вчерашнем балу. Он вёл себя крайне подозрительно. Обошёл весь зал, украдкой поглядывая за каждую гардину!

Королева рассмеялась:

– Но ведь это его обязанность! Он гоняет оттуда влюблённые парочки!

Лицо Канлара вытянулось от удивления:

– Не знал, – но он тут же воодушевился и с прежним жаром продолжил доказывать свою точку зрения: – Наверняка это только прикрытие!

– Увы, – покачала головой Кая. – Наш милый церемониймейстер не имеет никакого отношения к внутренней разведке.

Канлар с философским видом посмотрел в небо и пожал плечами:

– Ну что ж, снова промах.

Минуту они прохаживались в молчании, исчерпав одну тему и не зная, как приступить к другой. Первые весенние птицы мило сглаживали эффект этого молчания своим щебетом.

– Я оценил ваш жест, ваше величество, – первым нарушил тишину Канлар.

Королева никак не ответила, скромно разглядывая букет в своей руке.

– Не страшно? – подначил жених.

Подняв на него взгляд без намёка на смешинку, Кая серьёзно парировала:

– Страшно принуждать мужчину на тебе жениться.

Брови советника удивлённо поползли вверх, и он порывисто ответил:

– Вы преувеличиваете тонкость моей душевной организации. Я ожидал от вашего отца, что ему надоест мой холостой статус, и рано или поздно он прикажет мне жениться на той или иной вельможной дочке. И я был к тому готов точно так же, как вы всегда были готовы вступить в политический брак.

Кая неловко повела плечом и отвела взгляд:

– Не то чтобы от этих соображений становилось менее неловко.

Спустя полминуты молчания Канлар подтвердил:

– Вы правы, ваше величество, «неловко» – самое точное описание нашей ситуации. Точнее не скажешь.

Кая помолчала ещё минуту – всё так же заполненную птичьим пением – и заметила:

– Кажется, нам стоит придумать что-то менее формальное, нежели «ваше величество» и «господин Канлар», вы не находите?

Дипломат задумался и лёгким тоном предложил:

– Быть может, вы не сочтёте чересчур фамильярным, если наедине я буду обращаться к вам «дорогая невеста»?

Задумчиво посмотрев на него и что-то взвесив внутри себя, Кая согласилась:

– Пожалуй, это хороший вариант, дорогой жених.

Свободной рукой отведя слишком далёко выходящие на дорожку ветки, Канлар хмыкнул:

– И это по-прежнему ощущается чрезвычайно неловким.

Королева не ответила, но по её лицу было заметно, что она придерживается того же мнения.

– У меня такое чувство, – признался Канлар, – как будто мы с вами участвуем в театральной постановке, в которой по нашим ролям нам положено изображать жениха и невесту.

Улыбнувшись краешком губ, Кая живо ответила:

– Вся придворная жизнь – постоянная театральная постановка, в которой у каждого есть свои, чётко оговоренные, роли.

– Ваша правда, дорогая невеста, – хмыкнул советник, вызвав у королевы смешок.

Они остановились и некоторое время смотрели на небольшой дворцовый пруд.

– Всегда восхищался тем, – пустился в откровенности Канлар, – как ваш отец умел распоряжаться талантами встречающихся ему людей. Казалось, ему достаточно двух минут, чтобы понять, куда пристроить собеседника и где он сможет реализоваться в полную силу. Для меня это казалось необычным и почти мистическим. – Его откровенность сперва покаталась Кае странной, но потом она догадалась, что этот жест доверия призван завязать более личные отношения. – Я не ждал, что смогу занять высокое положение в чужой стране, и не имел осознанного стремления к тому. Встреча с его величеством оказалась для меня судьбоносной, и, как я узнал позднее, это и вообще было в натуре короля – устраивать людские судьбы с удивительной мудростью.

Королева поймала взгляд жениха и спокойно произнесла:

– Я надеюсь, что унаследовала этот дар от отца.

Канлар слегка поклонился:

– Сделаю всё, от меня зависящее, чтобы оправдать ваше доверие, ваше величество.

– Иного ответа я и не ждала от вас, – любезно ответила Кая.

...хотя покои королевы почти всегда украшали живые цветы, в этот раз букет почему-то казался ей особенно приятным – она даже лишний раз подошла к нему, чтобы опустить лицо в цветы и вдохнуть их свежий аромат.

В конце концов, цветы, подаренные мужчиной, – это всё-таки совершенно особенный род цветов.

Глава четвёртая

Королевский брак – в любых обстоятельствах дело хлопотное и чреватое тысячью непредвиденных мелочей и затруднений.

Поспешный королевский брак – это ещё более хаотичное и трудноуправляемое явление.

Кая ожидала многих трудностей и была к ним готова. Проницательность не подвела её: тщательно подготовленные заготовки пригодились и в совете, и при дворе, и наедине с приближёнными.

Но одного затруднения она никак не могла предсказать, а меж тем, именно этот нюанс поверг Малый совет в жаркие и хаотичные дебаты.

Никогда раньше Кая не предполагала, что вопрос выбора наряда может оказаться настолько спорным и противоречивым. В конце концов, у неё особого выбора никогда и не было – все официальные мероприятия требовали династических цветов и имели чёткие указания, какие материалы, фасоны и аксессуары в каких случаях уместны. В других ситуациях она была более свободна в выборе цвета и фасона, но всё остальное по-прежнему диктовалось свыше, поэтому принцессе, а потом и королеве нечасто приходилось задумываться о том, что надеть.

В этот раз с ней тоже всё было решено без проволочек: конечно, династический оттенок, конечно, светлый пастельный тон, символизирующий и радость королевы по поводу вступления в брак, и её юность и непорочность. Безусловно, довольно строгий, но модный фасон, уместный и для церемонии в храме, и для приветствия народа, и для последующего приёма.

Кто бы знал, что проблемы начнутся с нарядом жениха!

Малый совет по этому поводу так разругался, что вопли стояли небывалые. Кая со вздохом лишь переворачивала тканевые листы в альбоме с образцами материи для её платья – единственное, что зависело от её выбора.

Советники же категорически и беспощадно разделились на три группы.

Первые полагали, что наряд господина Канлара для бракосочетания должен гармонировать по цвету с нарядом королевы и быть лишь на несколько тонов темнее, чтобы королева выгодно «сияла» на его фоне. В целом, это была обычная практика в выборе костюмов для принцев-консORTов: они должны были становиться удачным фоном для наряда правящей королевы.

Вторая группа возражала, апеллируя к необходимости подчеркнуть особый статус жениха, который становился королём-консORTом. В связи с этим, говорили эти вторые, нужно использовать в наряде Канлара государственные цвета насыщенных оттенков: чёрные брюки и синий камзол. Это должно символизировать, что муж королевы будет принимать активное участие в государственных делах.

Третьи отсылали к происхождению жениха и необходимости сделать политический реверанс в сторону Анджелии – в конце концов, укрепить связи с этим союзником стоит любым доступным способом, в том числе – публичной демонстрацией лояльности мужа королевы своей первой родине. Эта группа полагала, что нужно избрать государственные цвета Анджелии: белые брюки и алый камзол.

Каждая группа приводила несокрушимые аргументы в пользу своей позиции, и конца краю этому гвалту видно не было.

У королевы уже начинала ощутимо болеть голова.

– Вот этот, пожалуйста, – выбрала она образец ткани для верхнего платья и отдала альбом портному, после чего, наконец, решила навести порядок в совете, изобразив тихое покашливание.

Этого вполне хватило, чтобы все советники замолчали и обратили на неё своё внимание.

– Мессеры, – спокойно и немного укоризненно заметила королева, – вы забываете, что недурно бы спросить, что по этому поводу думает сам жених. В конце концов, решать дипломатические казусы подобного рода – его прямая задача.

Все головы повернулись к Канлару, которого подобное внимание отнюдь не смутило. Для себя он эту задачку давным-давно решил, но перекрикивать спорщиков не видел смысла, поэтому просто выжидал, когда кто-нибудь догадается спросить его мнения.

– Всё решается просто, мессеры, – объяснил он. – Из уважения к моей родине мы берём белые брюки – именно белые, господа, потому что традиционный анжельский красный будет отвратительно смотреться рядом с платьем её величества и перебивать всё внимание на себя. Камзол же нужно сделать синим, но не слишком тёмным, в тон платья её величества – чтобы подчеркнуть мою роль консорта, но всё же достаточно насыщенного оттенка – чтобы подчеркнуть уровень моего вмешательства в государственные дела.

– Замечательный выбор, господин Канлар! – С облегчением улыбнулась королева. – Так и сделаем. Только на камзол добавим немного серебристой вышивки такого же узора, как будет в моём наряде.

– Отчётливый намёк на супружеское согласие, – тонко улыбнулся Канлар. – Браво, ваше величество!

Таким образом, спорный вопрос был успешно решён, и совет, наконец, мог вернуться к насущным текущим делам. Важнейшим из которых ныне оказалась одна столичная секта, возникшая, правда, довольно давно, но начавшая причинять некоторые неудобства только в последние недели.

Секты не были редким делом в Райанци, и эта была такая же, как и многие до неё. Она относилась к числу сект, ратовавших за аскетизм и отрешение от мирских благ. Одно время это никому не мешало, но с недавних пор со стороны секты начались нападки на официальную церковь и отдельных представителей дворянства. Совет озаботился этим вопросом по той причине, что недавно листовку с обличением королевского двора в излишней роскоши подбросили прямо во дворец, что было, как ни крути, фактом тревожным. Внутренняя разведка уже занималась этим делом, но для более тщательной проверки решили привлечь и советников, чтобы каждый из них произвёл расследование в своей сфере.

Получив соответствующие задания, советники разбрелись выполнять. Мы с вами последуем, естественно, за господином Канларом, чтобы наконец познакомиться с его любимым детищем – министерством внешней разведки.

К счастью, здание это находилось в нескольких минутах ходьбы от дворца. Солидный трёхэтажный особняк имел два крыла и занимал существенную площадь. Это было связано, в том числе, и с дипломатической функцией помещения: сюда селили делегации послов и отдельных сановников, прибывших с дипломатическим визитом. Кроме того, министерство служило перевалочным пунктом для агентов, которые отдыхали тут между заданиями или готовились к перебросу на другое место службы. Также здесь располагались комнаты отдыха для гонцов и жилые покои правой руки господина Канлара и его бессменного заместителя, господина Се-Ньяра. Надо отметить, что господин этот умудрился однажды привести в свои холостяцкие покои жену, и каким-то совершенно необъяснимым образом она не только прижилась здесь, но и взяла на себя обязанности по хозяйственному обеспечению всего министерства. Конечно, в её распоряжении был подобающий штат персонала, но это никак не преуменьшает заслуг доблестной госпожи Се-Ньяр, которая, на минуточку, умудрялась устроить послов и дипломатов так, чтобы, вне зависимости от обстоятельств, те оставались довольны.

На самом деле, проводить расследование Канлару было как-то и не о чем. За последнюю неделю из его министерства во дворец допускались только он сам и те самые нийские послы. Поскольку про самого себя господин Канлар знал, что никаких листовок он с собой не прино-

сил, оставались послы, которых никак не стоило сбрасывать со счетов. Всегда существовала вероятность, что милую столичную секту подпитывали иноземные доброжелатели. Версия с виновностью ниййцев казалась Канлару слабенькой: не с руки тем было устраивать подобные манёвры, если только это не было чьей-то инициативой в обход воли короля. А вот другие страны могли и замутичь воду. Так что первой своей обязанностью Канлар полагал проверить возможные связи сектантов с иноземными агентами – для этого он собрал весь присутствующий в министерстве штат своих сотрудников и бодро раздал им указания, очертив точный фронт работ.

Надо сказать, что этот самый штат сотрудников представлял собой компанию весьма разношёрстную. По большей части её сформировали иммигранты из других стран – Канлар взял за основу свой собственный способ информирования. Иммигрировав в своё время из Анджелии, он сохранил многочисленные связи на родине, которые со временем превратились в постоянных информантов. Когда Канлар получил от короля предложения использовать свою уже созданную сеть на благо Райанци и расширить её действие на другие страны, он в первую очередь подумал о других иммигрантах и разыскал тех из них, кто сохранил связи со своей родиной. Именно они и организовали первый костяк министерства внешней разведки.

Эта команда давно уже научилась работать слаженно, поэтому распоряжения о поиске связей между сектантами и иноземными агентами были сразу приняты в ход и получили широкое обсуждение. Команда разведчиков даже успела прийти к предварительным выводам, мол, если в этом деле замешаны другие государства, то с самой большой степенью вероятности это могут быть козни махийцев, и на них нужно обратить особое внимание. Воинственные загорные соседи были не прочь раскачивать внутреннюю обстановку в Райанци, чтобы отвлекать силы страны от обороны границы.

Канлар уже думал откланяться и вернуться во дворец, но у его соратников оказались другие планы.

– Постой, дружище! – остановил его Се-Ньяр, который обычно выступал представителем общего мнения. – Тебе не кажется, что ты кое-то забыл?

Было настолько очевидно, что речь идёт не о политике, что Канлар закатил глаза. Куда клонят его люди, он прекрасно понимал, но всё же предоставил им объясняться самим.

– У кого-то здесь, кажется, помолвка произошла? – мечтательно глядя в потолок, отстранённо произнёс ниййец А-Грес.

– Давненько мы ждали этого знаменательного события, – пророкотал старый соратник, дружный когда-то с отцом Канлара, господин Вернар.

– С невестой-то познакомишь? – вкрадчиво прищурился Се-Ньяр.

«Придётся знакомить, не отстанут же», – с тоской подумал Канлар, оглядывая оживлённые лица соратников, почти сплошь людей женатых и давно мечтающих устроить личную жизнь своего главы.

– Вы же понимаете, – с терпением в голосе сложил ладони домиком перед собой Канлар, – что в данном случае такое дело сопряжено с некоторыми трудностями?

Он подразумевал, в первую очередь, плотный график королевы, который не очень-то располагал к непредвиденным поездкам и знакомствам. Не говоря уж о том, что протокол не предусматривал ситуаций, в которых королеву представляют кому-то – это как раз все остальные являлись во дворец для того, чтобы быть представленными ей.

– Вот пусть заодно и ревизию проведёт, – легкомысленно отмахнулся Вернар. – Со времён своего воцарения её величество ещё ни разу не почтила наше ведомство своим высочайшим визитом, так что вполне можно совместить.

«Не отстанут!» – с некоторым даже внутренним удовлетворением повторил про себя Канлар и заверил присутствующих, что попробует устроить это дело.

Через пару дней случай поговорить представился, и оказалось, что королева смотрит на эту идею весьма благосклонно.

– Давно хотела полюбоваться вашим легендарным министерством, – весьма приветливо кивнула она. – Устройте это, пожалуйста, в будущий выходной, у меня как раз есть свободное время после обеда. Да, обратите внимание, я предпочту посетить вас инкогнито.

Конечно, говоря о визите инкогнито, королева не имела в виду, что она хочет скрыть свою личность, – едва ли это вообще было возможно. Под инкогнито предполагался неофициальный визит, свободный от власти придворного регламента. Иными словами, Кая пожелала посетить вотчину своего жениха как частное лицо, а не как королева. Не скроем, что такое решение весьма согрело сердце главы внешней разведки – ничем он не гордился так, как своим министерством, и желание королевы узнать его в неофициальном формате льстило Канлару более, чем что бы то ни было.

Несмотря на заявленную неофициальность визита, подготовка к этому мероприятию прошла на высшем уровне. Госпожа Се-Ньяр превзошла саму себя, не только гоняя слуг по всем помещениям, но и лично принимая участие в уборке и украшении комнат. Многие из постоянных обитателей министерства с радостью пришли ей на помощь, постаравшись не ударить в грязь лицом – не столько перед королевой Райанци, сколько перед невестой своего начальника.

Стоит ли говорить, что визит прошёл превосходно?

Кая с большим удовольствием заново познакомилась со своими разведчиками, – в основном они бывали при дворе раз или два. Господин Вернар устроил для неё прекрасную экскурсию, а госпожа Се-Ньяр увлечённо разбавляла его рассказ живыми фактами и воспоминаниями о курьёзах. Небольшой вечерний чай тоже оставил по себе самые приятные воспоминания: королеве на миг показалась, что она находится в кругу старых друзей, с которыми давно знакома, так непринуждённо и весело держала себя эта разношёрстная компания.

Уже уходя, она призналась жениху:

– Я почувствовала себя здесь более дома, чем у себя.

Канлар засветился внутренним светом от гордости.

Глава пятая

Даже самая поспешная свадьба в Райанци не смогла бы свершиться ранее, чем через месяц после принятия решения о ней. По традиции, после первого оглашения на протяжении следующих трёх воскресений священник в храме, где должно было совершаться таинство венчания, повторял слова оглашения и вопрошал, не знает ли кто-либо среди присутствующих препятствий к этому браку. В случае с Каей это была всего лишь формальность, но не королеве нарушать вековые традиции своего народа, показывая тем дурной пример.

Единственное, что она могла себе позволить для придания своему решению веса и торжественности, – после первого церковного оглашения дать бал в честь помолвки. Событие яркое и масштабное, которое ясно показывало, что назад отыграть эту комбинацию будет уже нельзя.

По расчётам королевы и её совета, делегация с послами будет добираться до столицы Ниии месяц, но, скорее всего, они отправят вперёд гонца с посланием для короля, и тот-то прибудет не позднее, чем через пару недель. Для каких-то серьёзных силовых действий у короля времени не останется, но вот дать дипломатический ответ он может и успеть – поэтому желательно устроить дело так, чтобы этот дипломатический ответ уже не мог ничего изменить.

Так что бал устроили с размахом, созвав всех, кто был в доступной близости от столицы. Королева сияла в роскошном платье с золотым шитьём, и всякий, кто не знал её достаточно близко, был бы уверен, что сияет она от любви – подарить подданным красивую сказку было прямой обязанностью Каи. Господин Канлар в более парадном, чем обычно, мундире, да ещё под всеобщим вниманием, чувствовал себя крайне неловко, но умело скрывал это прямой спиной, дипломатичной тонкой улыбкой и нарочно сияющими глазами, долженствующими обозначать восторг торжества любви.

Надо признать, что уже к середине бала и у королевы, и у её жениха от этих постоянных улыбок скулы сводило, поэтому оба крайне обрадовались, когда приткий паж подошёл к Канлару с неким сообщением от его министерства.

Неподалёку от бального зала, в небольшом кабинете с изумрудного цвета отделкой, их ждал господин Се-Ньяр – единственный представитель внешней разведки, у которого был неограниченный доступ во дворец как раз ради таких случаев, когда министерство получало срочное донесение и требовалось разыскать Канлара.

– Ваше величество, – поклонился сперва Се-Ньяр королеве, а уж потом передал своему главе какой-то футляр: – Голубиная почта из Махии.

– Отлично! – резким, но выверенным жестом Канлар снял бальные перчатки и распаковал миниатюрный футляр, из которого со всеми предосторожностями вынул тонкий исписанный листок.

Донесение он развернул так, чтобы и королеве было его удобно прочесть – шифр ей был вполне знаком.

Несколько дней назад Канлар начал отрабатывать версию с вмешательством махийских агентов в дела столичных сектантов. Отследить возможные контакты оказалось делом не самым простым: хотя официальные пересечения границы фиксировались, не было большой трудности в том, чтобы по морю преодолеть путь от рыбацкой деревушки одного государства в такую же рыбацкую деревушку другого. Некоторый оптимизм в это дело добавлял небольшой размер секты и её яркая направленность против излишеств и комфорта, что позволяло неплохо знать состав группировки. По донесениям внутренней разведки, фигуранты этого дела в последние месяцы не отлучались в прибрежные деревни.

Канлар не знал, насколько эффективно работает внутренняя разведка, поэтому взялся за работу с той стороны, которая была подконтрольна ему, и послал соответствующий запрос своим агентам в Махии. Вот эти-то агенты и прислали свой ответ.

Во-первых, они составили список официальных контактов, которые можно было проверить, – к счастью, весьма скромный список, его обещали выслать гонцом отдельно. Во-вторых, доложили о подозрительных шевелениях в местной церковной среде. Отработав все эти подозрительные шевеления, агенты Канлара указали ему на трёх церковников, которые вроде как уезжали на время строгого поста в один горный монастырь, но, судя по всему, так в этом монастыре и не побывали.

– Бред какой-то, – пробормотал глава внешней разведки, настроенный на версии с морскими контактами. – Может, там несколько горных монастырей?

– Мессир! – с негодованием воскликнул Се-Ньяр, оскорбившись за махийских соратников. В чём суть донесения, он доподлинно не знал, но в реплике столь ясно читалось сомнение в способностях агентов, что подробности не были нужны.

Ребята были толковые, а страна была маленькой. Потерять в такой неучтённый монастырь – это даже придворному пажу не удалось бы, не то что матёрым разведчикам.

– А как им удалось узнать, что церковники в монастырь не прибыли? – удивилась меж тем королева, которая обычно имела дело только с выводами своего министерства и впервые наблюдала сам процесс работы над шпионскими изысканиями.

– У нас есть агент в сане, ваше величество, – хмуро пояснил Канлар, разглядывая листок, будто надеясь извлечь оттуда что-то ещё. Увы! Как и всегда, послания, посланные голубями, не баловали подробностями и деталями. Придётся ждать гонца с полновесным донесением.

Махийское направление разведки было приоритетным, недружественные соседи постоянно ввязывались в силовые и дипломатические разборки. Пожалуй, Канлар даже где-то внутри себя рассчитывал, что ему предоставят отчёт о тех самых рыбацких деревушках и подозрительных лодках – махийская агентурная сеть была самой разветвлённой и многочисленной.

Канлар передал донесение заместителю, сложил руки за спиной и задумался.

Се-Ньяр быстро перечёл записку, нахмурился и отметил:

– Даже если они не имеют отношения к нашему делу, то это всё равно подозрительно.

Махийская церковь откололась от Райанской ещё пару столетий назад, и с тех пор вражда двух государств обогатилась ещё и религиозным оттенком. Махийские церковники на райанской границе – уже ситуация, требующая внимания.

Приняв какие-то решения внутри себя, Канлар сменил позу, ещё похмурился, постучал пальцем по губам и сделал вывод:

– Если они пересекали перевал, то мимо кордона князя пройти точно не могли. – Затем он вопросительно взглянул на королеву: – Ваше величество?

Та тоже нахмурилась, заподозрив троюродного братца в интригах.

– Я отдам распоряжение, – резюмировала она, подходя к секретеру и доставая оттуда бумагу с чернилами. Побоявшись запачкать идеально белые перчатки, она сняла их и принялась писать.

Канлар, тем временем, отпустил Се-Ньяра и принялся с любопытством поглядывать на королеву, ожидая её дальнейшего затруднения.

Внешняя разведка донесла информацию о потенциально опасных визитёрах, которые могли проникнуть на территорию Райанци с недружественным замыслом. Глава внешней разведки передал эти сведения королеве. Далее этим делом должна была заняться внутренняя разведка – соответствующий приказ как раз и писала Кая. Приказ следовало отдать главе внутренней разведки, и Канлар предвкушал возможность наконец-то раскрыть коллегу – если, конечно, королева не найдёт какой-то способ выкрутиться из этого крайне деликатного положения.

Дописав, Кая подняла взгляд и несколько удивилась жадному предвкушению на лице главы внешней разведки.

– А, – тут же уловила она суть ситуации. – Вы правы, кажется, я оказалась в непростом положении.

– Почему же? – почти мурлыкнул Канлар, забыв про уже натруженные на балу скулы и улыбаясь вполне явственно. – Наконец-то я смогу пожать руку своему коллеге!

Королева в весёлом удивлении приподняла брови, лёгким движением встала, спрятав свою записку в кармашек верхнего платья, и лучезарно улыбнулась:

– Не надейтесь, дорогой жених! Вы его не увидите.

– Интересно посмотреть, как вам это удастся, дорогая невеста, – не впечатлился Канлар, подавая королеве руку и уводя её обратно в бальный зал. – Покинуть меня во время бала вы не сможете, а круг ваших контактов после него достаточно узок, чтобы я смог вычислить интересующее меня лицо.

Королева легкомысленно рассмеялась:

– Что ж, вычисляйте, если сможете! Батюшка, кажется, грозился освободить его от должности, если он допустит настолько вопиющую оплошность, что вы сумеете его раскрыть. Но я, пожалуй, не буду так сурова: у моего супруга, действительно, больше возможностей отследить мои контакты, чем у главы внешней разведки.

В зал они вошли во время очередного танца, и, не считая возможным пытаться провести королеву напрямую к её месту, Канлар по стеночке принялся обходить танцующих.

Этот манёвр казался Кае вполне разумным, до той самой поры, как её спутник внезапно не нырнул за очередную гардину, увлекая её за собой.

– Что вы?.. – не успела толком удивиться королева, как получила ответ:

– Вы были правы, здесь вполне может уместиться влюблённая парочка, – удивлённо оглянулся Канлар, признавая, что оконная ниша достаточно глубока, чтобы широкое бальное платье не выглядывало наружу из-под гардины. – Признаться, я подумал, что вы шутите или пытаетесь отвести подозрения от церемониймейстера.

Кая улыбнулась, с наслаждением вдохнув свежего воздуха – в самом зале было довольно душно, не говоря уж о тяжёлом аромате духов.

– Пойдёмте, нас хватятся, – потянула она Канлара обратно, но он её удержал, вызвав недоумённый взгляд.

– Все видели, как мы вышли, и мало кто заметил, что вернулись, – резонно заметил мужчина. – А мне, признаться, после ваших слов ужасно захотелось увлечь вас сюда и почувствовать себя... влюблённой парочкой, – обаятельно ухмыльнулся он. – Признаться, сроду не вытворял таких глупостей.

– Я тоже, – со смехом согласилась королева, с весёлым удивлением оглядывая обстановку. В самом деле, в таких ситуациях ей не приходилось бывать никогда.

– И раз уж мы решили изображать влюблённую пару... – закончить свою фразу Канлар не успел, потому что в процессе взял королеву за руку и был удивлён тем, как ошутимо она вздрогнула.

Невольно опустив взгляд, он только тут осознал, что они оба забыли бальные перчатки в кабинете.

Королева, как и положено даме её положения, умела прекрасно держать лицо в любых ситуациях, поэтому её смущение редко когда и кому удавалось заметить. Сейчас же она ошутимо покраснела – во всяком случае, у неё порозовели скулы, а Канлар ни разу ранее не видел, чтобы с ней происходило когда-либо что-то подобное, и запоздало сообразил, что, скорее всего, ни разу в её жизни мужчина не брал её за обнажённую руку, и этот весьма простой и вроде бы даже ни капли не эротический жест её отчаянно смутил.

Должны признать, что, осознав всё это, Канлар и сам слегка покраснел.

Не найдя ничего лучше, он предложил ей и вторую руку:

– Позвольте?

– Да, конечно, – ответила Кая, и только на опытный слух старинного приближённого было ощутимо, что голос её слегка дрогнул.

Канлар осторожно переплёл свои пальцы с тонкими пальцами королевы. Оба они от смущения смотрели не друг на друга, а на собственные руки.

Королева смущалась от того, что внезапная близость к мужчине, здесь, в узком уголке за гардиной, была для неё неожиданна и нова, и потому, что действительно, никто и никогда так не держал её руки – как будто это были руки совершенно обычной девушки, а отнюдь не королевы!

Канлар смущался от того, что ему казалось чуть ли не святотатством прикоснуться к своей королеве как к обычной женщине, да и, кроме того, признаем честно, его любовный опыт был не таким уж и богатым, и явно не включал в себя милование за занавесками во время бала. Он совершенно не знал, что делать дальше, и как умудриться выйти из ситуации, не ранив ни стыдливости, ни гордости дамы, которая по совместительству была и королевой, и крайне неопытной в делах любви девицей.

Очарование момента нарушил торжествующий кашель и приглушённое:

– Ага, попались, голубчики! – через секунду сменившееся поражённым: – Ох, прошу прощения, ваше величество, ваше сиятельство.

Вспуганные голубки оглянулись и обнаружили склонившегося в поклоне церемониймейстера, который, очевидно, исполнял свои прямые обязанности: гонял из ниш влюблённые парочки.

Канлар мгновение ощущал, как руки Каи дрогнули в его собственных; потом она на удивление спокойным и холодным тоном произнесла:

– Как это удачно, что вы зашли, милый господин Пронте! Мы с господином Канларом оба забыли наши перчатки в Изумрудном кабинете, будьте добры, принесите их сюда!

Церемониймейстер мгновенно испарился, отправившись выполнять поручение.

– Полный комплект впечатлений! – с улыбкой пожаловалась королева Канлару, забрав у него свои руки и отвернувшись к окну.

– Да, кажется, в искусстве тайных свиданий мне ещё нужно поучиться! – сокрушённо покаялся жених.

Недолго они стояли в молчании; наконец, вернулся церемониймейстер с перчатками, и Канлар снова вывел королеву в бальный зал.

– Признаться, – шепнул он ей на ухо, – дорого бы я дал, чтобы проверить, лежит ли ваша записка до сих пор в вашем кармане, ваше величество!

Озорные смешинки играли в глазах Каи, когда она показала ему краешек своего распоряжения и весело ответила:

– Она по-прежнему со мной, а ваши подозрения несносны!

Убедившись, что за ними не наблюдают слишком явно, она позволила себе хмыкнуть и посетовать:

– Подумать только! Я слыхала, что иные ревнивые мужья контролируют переписку своих жён! Но чтобы мой собственный глава внешней разведки ревновал меня к моему же главе внутренней разведки! Это уже перебор, мессир!

– У королевской ревности и размах соответствующий, – склонился в поклоне Канлар, приглашая Каю на следующий тур. – Клянусь, сегодня я не спущу с вас глаз!

Королева ответила беззаботным смехом и охотно закружилась в очередном танце.

Глава шестая

Внутренняя разведка сработала без осечек: с одной стороны, Канлару так и не удалось вычислить, кому и в какой момент королева отдала свой приказ, с другой – не прошло и трёх дней, как на очередной совет были присланы материалы отчёта по этому расследованию.

Трое «заблудившихся» махийских церковников, действительно, пересекли горную границу, действительно, были обнаружены кордоном князя и доставлены в его резиденцию, где, как и опасалась королева, произошёл контакт. Однако добытые разведкой сведения сводились к одному: махийцы хотели обратить князя в свою веру и вели с ним богословские беседы, а князь, напротив, хотел уличить махийцев в еретической основе их учения. В итоге высокие стороны остались при своём: махийцы отправились к себе ни с чем, а князь даже расхвастался о своей попытке «вразумления еретиков» в местном светском обществе.

– Вот вроде всё и гладко звучит, – теребил бороду дядя королевы, – а почему-то не верится.

Покачав головой и ещё раз перечитав донесение, канцлер поддержал его:

– Шито белыми нитками. Вся эта история с хвастливыми откровенностями в подпитии выглядит, конечно, крайне правдоподобно и в духе князя, но всё же князь не дурак, чтобы хвастать контактами с Махийской церковью. Даже в столь благонадёжном контексте.

– Самое слабое место в этой истории, – вступил в разговор Канлар, – мотивация Махийской церкви. Они тоже отнюдь не глупы, и вряд ли идея обратить князя в свою веру может казаться им перспективной.

Королева тоже бегло пересмотрела донесение и отметила:

– Спаяно гладко, даже их епископ имеет соответствующую репутацию религиозного фанатика, который известен своими абсурдными проповедями и попытками обратить в свою веру всех и вся.

– Не придраться, – согласился канцлер разглядывая резолюцию главы внутренней разведки: «Ведётся выяснение истинных намерений и последствий встречи».

Внутренняя разведка, естественно, во всю эту богословскую благолепность не поверила, но исправно пересказала официальную версию – единственное, что пока удалось накопать.

– Что ж, посмотрим, что ещё удастся выяснить, – отложила донесение королева. – Господин Канлар, ваши агенты пусть тоже проведут изыскания по ту сторону границы, возможно, это будет сделать проще, чем подобраться к любезному кузену.

Закончив обсуждение ещё нескольких текущих вопросов, совет вернулся к многострадальной свадьбе. В этом деле снова и снова всплывали спорные моменты. Сегодня разногласие вызвал вопрос проживания короля-консорта и даже и самой королевы.

Скорее всего, эта тема не всплыла бы, если бы после воцарения Кая заняла бы основные королевские покои – достаточно просторные помещения с двойным набором комнат, в которых как раз могла без стеснений разместиться супружеская пара. Однако Кая предпочла остаться в своих старых комнатах – покоях принцессы – к которым, во-первых, была искренне привязана как к единственному уголку, где она могла побыть самой собой, и которые, во-вторых, не вызвали у неё стойкой ассоциации со смертью родителей. И если мать её умерла родами, и эмоции немного сгладились со временем, то роковую болезнь отца она помнила очень хорошо, и переезжать в комнату, где он проживал свою агонию, вовсе не казалось её хоть сколько-нибудь заманчивым. Поэтому так и вышло, что до сих пор она занимала свои старые покои, конечно, достаточно просторные, но никак не рассчитанные на наличие супруга.

Что касается господина Канлара, у него было целых два места проживания. Официально ему принадлежали комнаты в его министерстве, но по факту он редко там находился, предпо-

читая ночевать в своей комнате во дворце, – это экономило ему время сборов на утренние заседания и мероприятия.

Большая часть совета, во главе с канцлером, считала, что молодожёнам нужно будет перебраться в королевские покои. Несколько советников возражали против этой идеи, мотивируя это тем соображением, что Канлар станет королём-консортом, а не королём, поэтому и королевские покои явно не для него. Сама королева по-прежнему воспринимала идею своего переезда враждебно и пыталась найти какой-то иной выход.

Дебаты грозили затянуться и лишит присутствующих обеда. В сердцах дядя королевы – большой любитель вкусно поесть – воскликнул:

– Да поселите его к себе, племянница, в конце концов, не так уж много времени вы проводите по покоям!

По отношению к господину Канлару это было справедливое замечание, он, действительно, в своих комнатах только ночевал, проводя свободные от службы часы в министерстве. Королева же часто использовала свои покои для вечернего или дневного отдыха в тех случаях, когда в её распорядке случалось редкое «окно», но, в целом, тоже не была домоседкой.

Советники почуяли близость обеда и в ожидании повернулись к королеве (Канлар ещё в начале обсуждения самоустранился, заявив, что ему решительно всё равно, куда его переселят). Новая идея Кае понравилась не больше старой, но она обещала провести после обеда некоторые изыскания (читать: захватить с собой жениха и примерить на месте, уdatься ли им разместиться) и тогда уж выносить суждение.

Сказано – сделано. После обеда Канлар был введён в святая святых – покои королевы, куда никому из приближённых никогда не было хода дальше приёмной. Кая воспринимала свои комнаты как личную закрытую территорию, и сейчас чувствовала себя не слишком комфортно, приводя сюда чужака.

Эти помещения ей выделил отец ещё в ранней юности. Основу покоев составляла анфилада: приёмная, гостиная, кабинет, спальня. От гостиной направо и налево отходили комнаты слуг и гардеробная, от кабинета – комната для занятий и ванная. Из последней была ещё дверь в гардеробную.

Все комнаты были отделаны в одном сдержанном стиле, без признаков синего и голубого, так надоевшего Кае по официальному регламенту.

Теоретически, не было особой проблемы в том, чтобы поселить сюда ещё и мужа. Кровать королевы была достаточно большой для двоих, а гардероб Канлара был достаточно скромным, чтобы не потеснить нарядов королевы. Вот только куда селить камердинера – ведь комната для слуг была занята сплошь девицами и не предполагала отдельного уголка для мужчин. Да и гардероб короля-консорта придётся расширить, он явно будет богаче, чем гардероб главы скромного ведомства.

Все эти препятствия, тем не менее, не были фатальными, поэтому королева всерьёз взвешивала все за и против, в то время как Канлар по возможности незаметно оглядывался, с любопытством отмечая различные детали внутреннего убранства.

Наконец, он обратил внимание на то, что королева выглядит несколько нервно, ревизуя потенциал свободного пространства (она пыталась то померить шагами комнату для занятий, то раздвинуть платя в своём гардеробе), и сделал логичный вывод:

– Я вижу, что вам не по душе эта идея, ваше величество. Давайте придумаем что-то иное. Я в целом не вижу причин, по которым должен покинуть свои старые комнаты – в конце концов, мы не обязаны жить вместе.

– Не обязаны, – с силой захлопнула Кая дверь в гардероб, сделала несколько быстрых шагов сквозь гостиную и оглядела как-то нервно свой кабинет. – Но это вопрос престижа королевской фамилии. Если мы станем жить раздельно, поползут слухи, что в нашем браке не всё так гладко, и это сделает ваше положение шатким.

Возразить было нечего. Канлар заглянул в комнату для занятий и спросил:

– Вы очень дорожите вашими клавирами?

Королева перешла в комнату вслед за ним и посмотрела на клавиры крайне сухо:

– Совсем не дорожу. Мой слух далёк от музыкального.

Взгляд Канлара ещё побродил по помещению, наполненному разными дамскими аксессуарами, от большой рамы для вышивания – до мольберта.

– В целом, вполне можно переоборудовать эту комнату, – предложил Канлар. – Думаю, здесь я вас не стесню.

– Да, так и сделаем, – сухо согласилась королева, выходя в кабинет. – Передайте список необходимых вам предметов мебели обер-гофмаршалу, он всё подготовит. Если вы не возражаете, супружеское ложе я бы тоже предпочла поставить у вас, – тон, каким была сказана последняя фраза, был до такой степени независимо-безразличным, что даже сторонний человек заметил бы за ним напряжение.

– Как вам будет угодно, – сдержанно поклонился Канлар, лихорадочно пытаясь сообразить, как перейти к деликатной теме таким образом, чтобы не показаться слишком грубым. – Ваше величество, позвольте высказать одно соображение? – не придумал он ничего лучше.

– Извольте, мессир, – холодно повела плечом королева, не глядя на него.

Чувство неловкости явно превосходило все допустимые нормы, но он всё же считал нужным прояснить этот вопрос:

– Возможно, вы тоже сочтёте разумным, что нам не стоит форсировать... наше сближение и вступать... в супружеские отношения непосредственно в день свадьбы, тогда как было бы более комфортным несколько привыкнуть друг к другу...

Канлар, кажется, совсем запутался в попытках выразить свою мысль куртуазно, но королева с явным облегчением в голосе прервала его:

– Да, вы правы, не будем спешить.

Вопреки тому, что мужчина тоже должен был почувствовать облегчение от возможности свернуть неловкий разговор, он почему-то нахмурился и даже с лёгкой обидой воскликнул:

– Такое чувство, будто вы ожидали, что я стану вас принуждать!

– Вы говорите глупости, – впервые за разговор повернулась к нему королева, но по тому, как быстро и лихорадочно она говорила, было ощутимо заметно, что именно так она и думала, – конечно же, в вас я не сомневалась. Но обстоятельства, мессир, вынуждают нас спешить: стране нужен наследник.

Канлар, крайне удивлённый несвойственной королеве вспышкой эмоциональности, возразил:

– Несколько недель погоды не сделают, зато у нас будет время привыкнуть друг к другу и к мысли о близости.

– Вы правы, – отвернулась королева, и что-то в её голосе заставило советника нахмуриться ещё сильнее и сместиться, чтобы получить возможность заглянуть ей в лицо.

Чутьё его не подвело: Кая плакала.

Она делала это каким-то совершенно изувёрским и неестественным образом: не всхлипывая, не дрожа плечами, не закрывая глаза и даже не вздыхая глубже, чем обычно. Это было её старой манерой, приобретённой ещё в детстве: если вдруг на неё и находили слёзы, она попросту замирала, позволяла им аккуратно излиться, и довольно быстро прекращала плакать, чтобы лицо не успела распухнуть и покраснеть – такие следы уж точно не подобают принцессе, а тем паче – и королеве.

– Ваше величество... – изумлённо выдохнул Канлар, делая невольное движение к ней, но его остановил резкий жест. – Я был... недостаточно деликатен?

– Напротив, – ответила Кая голосом столь ровным и спокойным, будто это не у неё сейчас катились слёзы по щекам, – вы были вполне деликатны, мессир. Моё состояние не имеет к вам прямого отношения. Просто дайте мне две минуты.

Должно бы, с её точки зрения не было ничего сложного в том, чтобы простоять с ней рядом эти две минуты и дожидаться, когда она возьмёт себя в руки, но для Канлара это оказалось серьёзным испытанием – не то чтобы ему было привычно оказываться в таких ситуациях, но всё же, если он в них и оказывался, то принимал самое деятельное участие в успокоении дамы, а вовсе не стоял рядом безмолвным статистом.

Вот и тут егохватило лишь на пару секунд; пошарив глазами по кабинету, он обнаружил графин и нашёл для себя вполне достойное занятие – поднёс королеве стакан воды.

– Благодарю, – сдержанно отозвалась она, принимая и стакан, и последующий за ним платок, который пришёлся очень кстати.

– Прошу прощения, – сказала она спустя минуту. – Но раз уж вам выпало стать моим мужем, думаю, я могу себе иногда позволить такие слабости в вашем присутствии.

– Ваше величество, – в который раз сдержанно поклонился он. – быть может, я могу чем-то помочь вам?

Она посмотрела на него долгим, серьёзным и ни капли не заплаканным взглядом, после чего объяснила:

– Эти комнаты были единственным местом, где я была свободна, и время, которое я проводила в них – единственным временем, когда я могла побыть собой. Теперь у меня отнимают и это.

Со вздохом отвернувшись и потеряв взгляд в недрах книжного шкафа, она призналась:

– Я с детства готовилась к договорному браку. Я знала, что рано или поздно этот час настанет, и всегда считала, что неплохо подготовилась к своей роли. – Помолчав, она добавила: – Я ошибалась. К такому невозможно быть готовой.

От подобных признаний Канлару стало крайне неловко.

– Могу ли я чем-то помочь вам? – спросил он ещё раз, не зная, как утешить эту слишком хорошо умеющую держать себя в руках королеву.

С лёгким нервным смешком та махнула рукой, посмотрела на него и отвела взгляд:

– Оставьте мне мою спальню, – наконец попросила она. – Пусть по крайней мере это останется только моим.

– Вы можете быть спокойны, – заверил он её.

– Благодарю, – ответила королева, – прошу вас, теперь оставьте меня. Думаю, мы решили этот вопрос. Вашего камердинера разместим в прихожей, там была предусмотрена лакейская, но мы за счёт неё расширили общую площадь. Вернём обратно. Отдайте соответствующие распоряжения, будьте так добры.

– Разумеется, – поклонился Канлар и вышел.

Кая же без сил опустилась в кресло, приложив ладонь ко лбу.

Она в жизни не смогла бы признаться, что до слёз её довело не вторжение в личные комнаты – причина, конечно, реальная и более чем веская, – а неприятное, едкое, мучительное чувство зависимости от решений мужчины, с которым ей теперь придётся жить.

Глава седьмая

Сегодняшний разговор привёл Канлара в беспокойство. Он сам был не в восторге от необходимости вступать в политический брак, но его, по правде сказать, в большей степени заботило его новое положение и связанные с ним трудности, нежели характер отношений с будущей женой. Будем откровенны: Кая всегда держала себя столь идеально-сдержанно, что никому и в голову не могло прийти, что простые человеческие переживания ей не чужды.

Когда Канлар впервые увидел малышку-принцессу, ему было пятнадцать, а ей – всего четыре года. При его представлении королю она сидела совершенно спокойно в большом кресле, одетая в платье взрослого фасона, причёсанная на взрослый манер и выглядевшая на все семь.

Яркое впечатление о малышке, которая казалась идеальной куклой, продержалось годы. Канлар видел принцессу на официальных мероприятиях, и в любых ситуациях она казалась совершенно взрослой – её манеры были безупречны, и держала она себя без всяких детских капризов.

Тесно общаться с принцессой Канлар начал, когда ей исполнилось двенадцать, – именно в этом возрасте Кая стала обязательным участником Малого совета. Высказывалась она редко, но всегда по делу, и то, что она говорила, бывало вполне умно.

Возможно, Канлар привык воспринимать её как нечто функциональное: идеальное воплощение самой идеи правительницы. За годы, что он провёл с нею бок о бок, он ни разу не наблюдал, чтобы она отходила от своей роли и как-то демонстрировала, что функция «быть идеальной наследницей трона» не исчерпывает всё её существо.

За эти несколько дней Канлар с удивлением открыл для себя, что в королеве есть и другая, внутренняя сторона – всегда скрытая, живущая своей тайной жизнью, ни для кого не доступной.

Это открытие было для него ошеломительным. Казалось бы, это лежало на поверхности, и странно было бы предполагать, что даже у самой блестящей королевы нет за душой чего-то ещё, кроме её королевского величия. Однако, раз и навсегда привыкнув воспринимать Каю функционально, Канлар был потрясён.

Ему не приходило в голову, что у неё могут быть какие-то общечеловеческие потребности, и что её статус может как-то препятствовать их обеспечению, а их брак может ещё более стеснить и без того стеснённую человечность.

Канлар почувствовал себя виноватым; умом он понимал, что брак с ним спасает королеву от более тяжёлой участи, но сердцем – сердцем он чувствовал себя в этот момент насильником, который мучает и без того измученную своим саном девушку.

Прямо скажем, от испытанного потрясения Канлар несколько преувеличил внутри своей головы степень терзаний Каи и остроту её переживаний. Он знал её ещё не достаточно хорошо, чтобы уметь понимать её чувства; открыв для себя, что эти чувства, вообще, существуют – он тут же навоображал себе Бог весть чего сентиментально-трагического.

Впрочем, это было вполне естественно – кто на его месте не вообразил бы себе нечто драматичное? – но Кая, прямо скажем, была несколько удивлена, получив от жениха записку всего через час после того, как они, вроде бы, решили все текущие вопросы.

В записке Канлар писал, что, не решаясь оспаривать её прямо озвученное желание побыть одной, он, однако, тревожится о её состоянии, и, если ей будет того угодно, она может найти его в саду у фонтана, чтобы разделить с ним небольшую прогулку.

Похлопав глазами и попытавшись понять, что это вдруг на него нашло, Кая не преуспела в этих размышлениях, но решила всё же спуститься в сад – в конце концов, было бы невежливо игнорировать человека, который почему-то вздумал о тебе переживать.

Канлар, в самом деле, обнаружился у фонтана, где смотрел куда-то в зелёную изгородь невидящим взглядом, сложив руки за спиной. Заслышав шаги королевы, он обернулся, поклонился и предложил той руку. Она согласно эту руку приняла и позволила повести себя по тропинкам.

– Меня тревожит, – прямо высказал он, когда она и не подумала начать разговор, – что я стал причиной вашего огорчения.

Кая подняла на него спокойные глаза и мягко возразила:

– Я говорила вам, вы не имеете к тому прямого касательства. Не вынуждайте меня жалеть о моей откровенности, – добавила она с некоторым нажимом.

Они прошли в молчании несколько минут; вокруг стоял чарующий аромат цветущих плодовых деревьев, что делало прогулку весьма приятной.

– У меня есть идея одного плана, – заявил вдруг Канлар. – Ничто не мешает нам оставить наш брак фиктивным, с тем, чтобы, когда вы испытаете сердечное желание связать с кем-то свою жизнь, мы могли беспрепятственно развестись по факту отсутствия конsummации.

Королева так удивилась, что даже сбилась с шагу.

– Что? – глупо переспросила она. – Какое ещё сердечное желание?

Канлар возвёл глаза к небу и пояснил:

– Полюбите же вы однажды!

Несмелая улыбка тронула губы королевы; со смешком она возразила:

– Помилуйте, мне уже случалось быть влюблённой, и это явно не тот выбор, которому должна следовать правительница.

Вспомнив Се-Крера, Канлар не мог не согласиться с таким выводом, но всё же возразил:

– Вы прекрасно умеете править, ваше величество, и вокруг вас собрался талантливый и верный вам штат советников. Вы вполне можете позволить себе брак по сердечной склонности.

Кая грустно улыбнулась и ничего не ответила, увлекая его дальше по дорожке.

Спустя минут пять она сказала:

– Благодарю вас. Мне нужно было услышать от вас подобное предложение, чтобы перестать ощущать себя жертвой своего положения. Я не думала раньше о том выходе, который вы предложили, а меж тем – это и в самом деле выход. И это напомнило мне, что я не склонна доверять сердечным склонностям, – твёрдо резюмировала она. – Даже если обстоятельства и не давили бы на меня, я бы все равно предпочла брак по политическим соображениям. Но ваше предложение напомнило мне, что это мой сознательный выбор.

Канлар пожал плечами и отметил:

– Порой и в политических браках зарождается сердечная склонность.

Кая посмотрела на него слегка грустно:

– Простите за откровенность, дорогой жених, но я выбрала вас не оттого, вы не внушаете мне романтических чувств.

Казалось, её ответ ничуть не огорчил Канлара. Он, напротив, улыбнулся, глянул на королеву искоса и задорно и с самым хулиганским видом уточнил:

– А вот я, узнав вас ближе, кажется, увлётся.

Королева в удивлении подняла брови и не без внутреннего кокетства, чувствуя себя польщённой, переспросила:

– Как, в самом деле?

Вместо ответа Канлар остановился, мягким, но быстрым движением снял с руки королевы перчатку и припал губами к её обнажённой коже.

Кая слегка вздрогнула, но руку не отняла; на затылок своего советника она смотрела с самым искренним удивлением.

– Полно вам, – слегка сжала она пальцы, – вы меня смущаете.

Он выпрямился, не отпуская её руки, и обнаружил, что её скулы и впрямь снова порозовели.

– Предпочитаю видеть вас смущённой, нежели плачущей, – весьма деловито заметил он, и его тон не оставил королеве иного выхода, кроме как рассмеяться.

Разыгрывая эту небольшую интригу, Канлар отнюдь не лукавил: те отголоски тайной жизни обычной девушки, которые он увидел за королевской холодной маской, влекли его к себе. Ему хотелось проникнуть туда, за эту маску, увидеть настоящую Каю, которую он пока не знал, но уже угадывал. Это влечение ещё нельзя было назвать влюблённостью, но оно явно отличалось от простого политического расчёта.

– Вы меня смущаете, – повторила королева, забирая, наконец, свою перчатку и пряча в неё руку. – Но мне почему-то по душе ваши выходки.

Канлар улыбнулся и повёл её гулять дальше.

Спустя несколько минут Кая решила на новые откровения:

– Я выбрала вас, – спокойным и твёрдым голосом поведала она, – потому что моей стране нужен сильный консорт, а если говорить о моих личных желаниях – то я хочу видеть своим мужем умного человека. Обрести в вашем лице верного союзника для меня важнее сердечной склонности, хотя, должна признать, мне льстит ваше внимание, дорогой жених. Постойте! – оборвала она его попытку заверить её в своей верности. – Я хочу сделать одно признание, – решила она. – Более всего в браке меня страшит необходимость соображаться с решениями мужа – необходимость считаться с чужой волей, которая может ограничивать мою или вовсе противостоять ей. В страшных мыслях брак видится мне вечной войной, противостоянием моей воли и воли мужчины. Возможно, учитывая это обстоятельство, мне стоило выбрать в мужа мужчину слабохарактерного и слабого, который не доставил бы мне хлопот. Это было большим искушением для меня, но я выбрала вас, рассчитывая этим выбором усилить трон и обеспечить наследников положительным примером сильного отца. Этот путь тяжелее, и оттого я нервничаю.

Откровенность такого рода далась ей нелегко; она не привыкла делиться столь сокровенными мыслями, не говоря уж о том, что ей боязно было давать ему в руки оружие против неё – знание о её страхах. Однако она решила на этот шаг, зная, что именно такие моменты искренности и помогают зародить крепкие близкие отношения.

Ей нужен был муж, а не консорт-марионетка или соперник за власть. А с равным нужно и вести себя на равных, этот урок она усвоила ещё в детстве.

С минуту Канлар молчал, обдумывая услышанное:

– Благодарю, – наконец сказал он. – За такую откровенность следует платить такой же откровенностью. Позвольте и мне сделать признание, – с некоторым внутренним трудом решился он. – Меня страшит та роль, которую вы мне подготовили – я не был рождён править, и не уверен, что буду хорош на том месте, которое вы мне определили. Но в наибольшей степени меня тревожит то, что я женюсь на женщине, которая является моей королевой, – а брак, совершенно точно, не является тем полем, где я согласен был бы ходить в подчинённых. Вы говорите, что опасаетесь, будто ваша воля и моя будут находиться в состоянии войны; я же опасаюсь, что ваша воля будет подавлять мою, а я не буду сметь отстаивать себя, поскольку являюсь вашим подчинённым.

Прямо скажем, Канлару его признание далось даже труднее, чем королеве – её откровенность.

Влюблённые при вступлении в брак обмениваются любовными клятвами; эти двое, вступающие в политический брак, обменялись своими тайными страхами, и, возможно, такой обмен был посильнее иных любовных клятв.

– По всему выходит, – после долгого молчания заметила королева, – что наши страхи так неудачно сочетаются друг с другом, что делают нас противниками. Мне потребно не находить препятствий моей воле, вам – не становиться в подчинение ей. Победа одного неизбежно станет поражением другого.

Канлар молчал долго, после отметил:

– Это самая сложная дипломатическая задачка из тех, с какими я сталкивался.

Что-то в его тоне заставило королеву улыбнуться:

– Но вы берётесь её решить? – с некоторым даже задором уточнила она.

– Разумеется, – отмёл всякие сомнения он.

– Полностью полагаюсь на ваши дипломатические таланты! – улыбнулась она ему более чем очаровательно.

Дальнейшая прогулка прошла под аккомпанемент птичьего пения, и почему-то каждый из них, прощаясь, чувствовал себя гораздо спокойнее, чем этим же утром.

Глава восьмая

Вечер прошёл для королевы в попытках разместить предметы из комнаты для занятий по другим помещениям. Если от некоторых, вроде клавикордов, она с облегчением избавилась вовсе, то с другими случались затруднения. Впрочем, после того, как слуги уместили книги и карты в кабинете, а всё необходимое для рукоделия перенесли в гостиную, Кае оставалось определиться только с мольбертом.

Его, конечно, тоже можно было поставить в гостиную, благо, место для этого оставалось, но было одно существенное препятствие.

Дело в том, что Кая была очень слаба в живописи, но при этом очень любила рисовать. Нет, ей, конечно, ставили руку ещё в детстве, и она могла по возможности ровно срисовать акварели маститых художников, но как раз срисовки её не интересовали вовсе. Кая любила придумывать что-то своё, но, поскольку времени для вдумчивых занятий у неё не было, результаты её экспромтов выглядели крайне плачевно.

Несложно догадаться, что своих готовых работ она никому не показывала, да, в целом, никто и не знал, что она этим балуется.

Как ни крути, но ей было бы в высшей степени неприятно, если бы её опыты попадали на глаза Канлару – а значит, оставался только один вариант.

Вздыхнув, королева приказала перенести мольберт со всеми его атрибутами в спальню.

Смотрелся он там не очень, и для того, чтобы освободить ему место у окна, пришлось частично сдвинуть другую мебель, что нарушило общую гармонию интерьера. Грустно, но что ж поделаешь? Совершенно точно лучше, чем размещаться в гостиной!

Кае достаточно было всего на секунду представить, как она пытается спрятать свои художества от мужа, если он зайдёт в момент её занятий, чтобы понять: спальня – великолепный вариант. И неважно, что настенный подсвечник теперь висит не по центру секретера, а лишь над его левым краем. Вполне себе элегантная асимметрия. Свежий взгляд на дизайн.

Вздыхнув и попытавшись выкинуть из головы расчёты благотворительной помощи, которую необходимо в ближайшее время послать в пострадавшие от наводнений северные области, Кая села испытать новое место для рисования – удобно ли ложится свет, ничто ли не мешает процессу.

Смешивание красок и спокойное созерцание сделанных мазков неизменно её успокаивало, позволяя распутать сложные мысли.

В первую очередь она поразмышляла о связях своего кузена с махийскими церковниками. Это дело казалось ей достаточно прозрачным: троюродные родственники недовольны тем, что она избрала своим мужем не князя, и теперь оказывают поддержку одной из столичных сект, чтобы пошатнуть её положение и авторитет. Лишний раз напомнить народу, что двор королевы живёт богато, – беспроегрешный вариант.

Но причём тут махийцы? Их-то каким боком занесло в эту историю?

Щедро нанеся на холст тёмно-синей краски, Кая принялась с остервенением её размывать.

Нет, позиция махийцев тоже прозрачна. Отвлечь князя на столичные дела – хороший способ сместить его внимание с границы. Если же удалось бы, скажем, женить его на Кае или же свергнуть Каю и возвести на трон его, – он точно уже не сможет заниматься охраной перевала. На кого тогда ляжет эта почётная обязанность? Очевидно, на кого-то из родственников той ветви – дядю князя, или сына этого дяди... Скорее на дядю, тот сделал неплохую военную карьеру. Выгодно ли махийцам сменить князя на его дядю? Очевидно, да: милейший братец

днюет и ночует на перевале, весь погружённый в свои военные изыскания. Дядя-то постарше, пыла у него поменьше, так усердствовать не станет, да и здоровье уже не то, и юного азарта нет.

По отдельности мотивация и тех, и других ясна. Но с чего бы им спеться?

Щедрый зелёный мазок перекрыл синий.

Кая ничего не слышала о том, чтобы у троюродных были проблемы с финансами, но считать деньги те умели. Возможно, решили оплатить свои шашни из чужого кармана?

Жёлтая клякса и тонкая прорисовка зелёно-жёлтых переливов.

Может, пока не поздно, отдать всех сектантов под церковный суд?

Коричневые прожилки – предыдущая клякса стала напоминать листочек.

Или достаточно пригрозить братцу пальцем, дав понять, что она видит его интриги насквозь?

Где листик – там и веточка. Веточки рисовать интересно, и они у Каи почти всегда получались красивыми.

– Совершенно несносно, – пробормотала под нос Кая, имея в виду и ситуацию с братом, и то, что смотрело с её холста странным сине-фиолетовым пятном с жёлто-зелёным листом посередине.

«Здесь не хватает розового акцента», – решила Кая и потянулась рисовать бутон.

Бутон неизбежно вернул её мысли к жениху.

«Увлёкся он», – фыркнула она себе под нос, совершенно не веря этому абсурдному утверждению, но находя при этом, что Канлар, всё же, крайне мил, предпринимая попытки ухаживаний.

Ей в целом было интересно почувствовать себя объектом ухаживаний – не придворных расшаркиваний, а именно любовных знаков внимания.

Покосившись невольно на собственную руку, которую советник совсем недавно так ласково целовал, Кая покраснелась и дрогнула, вычертив кисточкой розово-красную линию там, где это совсем не предполагалось рисунком.

Не придумав ничего лучше, решила размыть её фиолетовым.

«Увлёкся он!» – фыркнула она интенсивнее, чувствуя при этом какой-то незнакомый ей ранее вид волнения, требующий лихорадочно втирать фиолетовый цвет в красный подтёк.

Получилось грязно. Королева не знала, что втирать фиолетовый в красный – не самая блестящая идея.

Впрочем, у неё было гениальное решение для всех проблем такого свойства: просто добавить жёлтого!

Как ни странно, в половине случаев это действительно делало вид рисунка более приемлемым.

Помог бы жёлтый в этой истории – нам неизвестно, потому что как раз в тот момент, когда королева подносила кисточку к холсту, за её окнами раздались громкие и сердитые крики, рука её дрогнула, и жёлтый подтёк вполне симметрично составил пару замазанному красному.

– Кати, да что там происходит! – сердито крикнула королева камеристке, с недовольством оглядывая результат своих трудов.

По краям синяя, внутри картина превратилась в грязное пятно, на котором, Впрочем, мило выделялись зеленоватые прожилки и лучик жёлтого подтёка.

Под страхом отлучения от церкви королева бы не призналась, что это творение было плодом её рук.

Поскорее сдёрнув и свернув ещё непросохший холст, Кая повернулась к камеристке:

– Ну?

– Дуэль, ваше величество! – с некоторым даже восторгом возгласила та.

Восторг вызывал у Каи определённые предположения о том, кто был зачинщиком дуэли.

– Сожгите, пожалуйста, – передала она свёрнутый холст Кати и решительным шагом отправилась выяснять, что за дерзкий и нахальный тип смеет тревожить её вечерний покой.

В сад королева подошла к самому разгару действия. Двое противников, сняв камзолы, действительно кружили друг вокруг друга со шпагами наголо, а неподалёку начинала собираться толпа любопытствующих, как из тех, кто прогуливался в это время по саду, так и из обитателей дворца, выбежавших на шум. Кое-кто даже позволял себе азартные поддерживающие крики, а многие дамы весьма картинно прижимала платочки к губам, лбам, и даже к декольте, явно считая дуэль отличным предложением привлечь к себе мужские взгляды.

– Я даже не буду спрашивать, что тут происходит, – холодно и негромко сказала королева, однако её появления хватило для того, чтобы «группа поддержки» замолкла, люди расступились, а дамы позабыли про свои платочки и присели в реверансах. Ах, нет, одна мадемуазель умудрилась и в реверанс сесть, и платочка от декольте не убрать, и даже на шагжок вперёд выступить – отчаянная особа. Платочек-то был яркого цвета, и не столько закрывал вид, сколько привлекал к нему взгляд.

Дуэлянты, конечно, слов королевы не услышали за звоном шпаг и шумом крови в ушах, но изменение фоновой обстановки заметили. Это отвлекло их в достаточной степени, чтобы обнаружить явление правительницы и остановиться, не смея продолжать схватку в её присутствии.

Оба драчуна были молоды и хороши собой, но повели себя в этой ситуации по-разному. Один, обаятельный брюнет с ясными весёлыми глазами, послал королеве ослепительную белозубую улыбку и раскланялся самым непринуждённым образом. Другой, шатен с характерным неместным профилем, ощутимо нахмурился и явно чувствовал себя виноватым, пряча глаза.

– Ладно, от господина Се-Крера я иного и не ожидала, – невольно улыбнулась в ответ поименованному Кая, – но вы, господин Се-Нист, всегда казались мне образцом здравомыслия!

Шатен в ответ на этот упрёк смутился ещё больше, но на его защиту неожиданно ринулась та самая отчаянная девица, которая явно не теряла надежды привлечь кое-чье внимание к своим несомненным достоинствам:

– Ах, ваше величество, не корите брата, здесь полностью моя вина! – крайне мило улыбнулась она и столь же мило и без лишних подробностей объяснила суть дела.

Оказалось, что господин Се-Нист на досуге пописывает весьма остроумные эпиграммы, но, не желая никого задеть, не предаёт свои сочинения огласке. Однако его сестра посчитала свеженаписанную эпиграмму, посвящённую господину Се-Креру, столь остроумной, что не удержалась и прочла её последнему. Тот со всем присущим ему пылом посчитал это достойным поводом для ссоры, и, несмотря на миролюбивый характер Се-Ниста, дело закончилось дуэлью.

– Эпиграммы! Как интересно, – проявила любезность Кая. – Господин Се-Нист, вы могли бы скрасить мой завтрашний вечерний чай вашим творчеством?

Шатен снова смутился, пробормотал в ответ что-то любезное, поклонился и заверил, что, конечно, почтёт за честь.

– Вот как! – с картинно напускной досадой, но с искренним весельем воскликнул Се-Крер. – Ваше величество, вы разбиваете мне сердце! Неужто досужие шутники любезнее вам, чем храбрые воины?

На лице мадемуазель Се-Нист мелькнула лёгкая досада.

Кая вежливо приподняла брови и с улыбкой ответила Се-Креру:

– Пока что ваши крики только испортили мне вечер, мсье. Однако я позволю вам реабилитироваться в моих глазах. Через три дня будет небольшой бал в честь святого Кадмия, и я рассчитываю, что в танце вы будете не менее умелы, чем в фехтовании.

Се-Крер разулыбался, выдал целую череду танцевальных поклонов и заверил, что королева может не сомневаться в его желании загладить испорченный по его вине вечер.

Мадемуазель Се-Нист тихонько вздохнула, после чего получила от брата ощутимый тычок в бок.

– Больше никаких дуэлей под моими окнами, я надеюсь, – обвела Кая взглядом присутствующих.

– Я прослежу! – вызвался Се-Крер под дружный смех.

Кая и сама не сумела избежать смешка, отвечая:

– Нет уж, если проследите вы – меня тут каждый вечер будут ожидать представления такого рода.

Приняв поклоны присутствующих, она удалилась к себе, чувствуя, что это маленькая сценка сделала её настроение гораздо более радостным и отвлекла от тяжёлых мыслей.

Глава девятая

На следующее утро Кая решила, что пора взяться за всю эту секту всерьёз. Она вызвала во дворец своего двоюродного брата, епископа, чтобы посоветоваться с ним.

Для небольших совещаний подобного рода на светлой стороне дворца была оборудована миниатюрная и уютная гостиная, наполненная цветами в кадках и живописными полотнами на стенах. Кая предпочитала решать серьёзные вопросы в приятной обстановке: эстетика интерьера давала ей эмоциональную опору и позволяла проводить любые переговоры на высшем уровне.

Угостив гостя чаем со свежими булочками, королева без лишних расшаркиваний перешла к сути дела:

– Дорогой брат, скажите, как относится церковь к нашим активизировавшимся сектантам?

Церковник грустно нахмурился, уныло повозил кусочек мармелада по блюдечку и дал официальный комментарий:

– Наша церковь скорбит о заблудших, столь превратно истолковавших наше святое учение. Мы не теряем надежды вразумить их и вернуть к умеренности. Как вам известно, сестра, наше учение осуждает впадение в крайности – даже если эти крайности преподносят под личиной истинного благочестия. Роскошь и комфорт развращают, это правда, и в этом есть тот истинный камень, на котором строят своё здание заблудшие. Сам по себе аскетизм, к которому они призывают, достоин только всяческих похвал – вы знаете, вся наша монастырская практика строится на аскетизме, да и среди рядовых священнослужителей он в большом почёте. Однако навязывать такую позицию другим, принуждать к ней и объявлять гибнущими тех, кто не пошёл этим путём... маловато в этом любви и истинной веры, сестра.

Кая терпеливо и со вниманием выслушала то, что и так знала прекрасно. К сожалению, её брат обладал недостатком, свойственным многим церковникам: затронув какой бы то ни было богословский вопрос, он неизбежно скатывался в попытки читать проповеди и многословно истолковывать постулаты своей веры.

– Это так, дорогой брат, – согласилась королева, которая крайне ценила свой комфорт и считала окружающую её роскошь законной компенсацией за ту меру ответственности, которую она несла, – но что с догматическими разногласиями? Если бы я, скажем, передала их церковному суду – вам было бы, что им предьявить?

Брат сдержанно покачал головой:

– Нам не за что судить их судом церкви, сестра, – огорчил он Каю. – Да, они превратно истолковывают некоторые наши постулаты и ведут себя несколько агрессивно и неблагоприятно. Но они не восстают на основы нашего учения и остаются нашими добрыми братьями в вере, пусть и качнувшимися в сторону категорической крайности. Не судим же мы монахов за их аскетические практики? Так и тут, они имеют право толковать наши каноны в таком ключе. Ничего, оскорбительного для веры, они не совершают.

Королева нахмурилась, невесомо помешивая чай в тонкой фарфоровой чашечке. Это было ожидаемо, но неприятно: спихнуть проблемы секты на церковь было бы оптимальным решением.

– Назовите мне ту грань, – после размышлений попросила королева, – после которой их можно будет счесть уклонившимися в ересь?

Этот вопрос явно требовал глубокого осмысления, и после нескольких минут молчания церковник вынес такой вердикт:

– Я вижу два пути развития их учения, которые могут привести их в губительную ересь. Первый – внешне-формальный. Выступая против роскоши в кругах высшего священноначалия, они могут прийти к тому, что начнут отвергать священноначалие вовсе. Второй – глубинно-философский. Они уже стоят на грани того, чтобы объявить земные блага злом. Если они перейдут эту грань и объявят мир земной творением сил зла, отвергнув представления о том, что и земные блага дарованы нам Господом по Его любви и милосердию, – они тоже вступят на еретический путь.

Королева в задумчивости погрела пальцы о чашку – домашний жест, который она позволяла себе только в присутствии членов своей семьи.

– Им далеко и от того, и от другого, – наконец вынесла вердикт она.

– И хвала Господу, что Он удерживает их от падения! – благочестиво осенил себя знаменем церковник, выискивая взглядом какую-нибудь икону и находя только примеры светской живописи на религиозные темы. Впрочем, это были действительно прекрасные образцы живописи, которые, конечно, были далеки от икон, но некоторые сюжеты вполне могли принести душевную пользу тому, кто будет наблюдать их и размышлять.

– Хвала Господу, – скрепя сердце согласилась королева, понимая, что еретики были бы ей гораздо удобнее.

Выпроводив брата, она задумалась.

Что ж, если на помощь церкви в этом деле можно не рассчитывать, имеет смысл погрозить заигравшемуся кузену. Вопрос лишь в том, как это сделать аккуратно. Сходу она ничего не придумала, поэтому решила вынести обсуждение на следующий совет – глядишь, сподвижники подскажут уместную формулировку.

Между тем, заботы королевы вовсе не ограничивались решением этого вопроса. Сегодняшний её день был расписан по минутам: после беседы с братом она отправлялась на первую примерку своего свадебного платья, далее её путь лежал в Торговую палату, где именитые столичные купцы собирали средства и материальную помощь пострадавшим от наводнения, потом был назначен лёгкий обед с видными представителями купеческой гильдии и получение прошений от них же, далее следовал плановый смотр личной гвардии – последнее пополнение было готово продемонстрировать правительнице своё искусство, и, наконец, после всей этой круговерти следовал тот самый вечерний чай, на который Кая позвала вчерашнего дуэлянта.

Вечерний чай, должны мы отметить, являлся в дворцовой жизни событием замечательным. Попасть на него было большой честью, к коей многие стремились.

Дело в том, что по времени он располагался между основными дневными заботами королевы и её вечерними трудами. Это был небольшой период отдыха, когда Кая могла себе позволить немного расслабиться и отвлечься. По этой причине её вечерний чай почти всегда превращался в мероприятие того или иного рода – в зависимости от того, кого приглашали составить ей компанию.

Неизменным составом этого чаепития выступала семья королевы – здесь непременно присутствовал дядя, уже известный нам по совету, иногда с супругой и дочерьми, тётя по отцу – вместе с супругом, и ещё одна пожилая тётушка, степень родства с которой Кая затруднилась бы назвать сходу. Если на этот час не было назначено важной вечерней службы, то приходил и двоюродный брат. С недавних же пор на этом семейном собрании в обязательном порядке присутствовал и Канлар – на правах будущего мужа.

Что касается состава приглашённых, то там могли оказаться самые разные лица, от деятелей науки и искусства – до заезжих акробатов, картёжников, фехтовальщиков или факиров. Частенько, правда, не приглашали вообще никого – это говорило лишь о том, что сегодня королева никого чужого подле себя видеть не хочет.

Как можно догадаться, приглашение на чай с королевской семьёй считалось очень почётным, и многие были горды его получить – хотя сам чай обычно был представлен довольно

скромно и сдержанно, с лёгкими закусками, какие можно было найти и у любого зажиточного горожанина.

Так или иначе, господин Се-Нист несколько робел, оказавшись на этом закрытом мероприятии, куда ранее его ни разу не звали. Однако, вопреки его опасениям, эпиграммы пошли на ура – присутствующие с удовольствием отгадывали, о ком идёт речь в очередном остроумном четверостишии. Особое удовольствие эти игры доставили дяде королевы, который и сам любил высмеять привычки окружающих.

– Зря вы скрываете, – вынес вердикт он, покусывая мундштук незажжённой трубки – при дамах курить было не положено, – вполне безобидное увлечение, если не дразнить горячие головы вроде Се-Крера.

Тётушка – сестра почившего короля, почтенная леди шестидесяти лет, возразила на это:

– Нет, молодой человек проявляет разумную осторожность. Вы ведь итанец, сударь? – обратилась она к Се-Нисту.

Итанцы были представителем национальных меньшинств в Райанци. Когда-то они представляли собой кочевое племя на юге страны, но не смогли сохранить независимость в борьбе с очередным райанским завоевателем. Тому прошло уже больше века, и многие итанцы завоевали себе место под солнцем и в государственных структурах, и даже при дворе, но лёгкая напряжённость между двумя народами всё ещё оставалась – в первую очередь, из-за сохранения различий в языке и верованиях.

В своё время дед Се-Ниста поступил на службу к тогдашнему королю и добился высокого военного чина и дворянского титула. Его сын, а за ним и сам Се-Нист продолжили служить по военной стезе, и по языку и нравам не отличалась от коренных райанских жителей, но внешние черты выдавали их итанское происхождение.

Се-Нисту с детства внушали, что ему не следует вести себя дерзко и высовываться, чтобы не провоцировать конфликты, поэтому, естественно, он предпочитал оттачивать своё остроумие исключительно в семейном кругу.

– Мои дед и бабушка были коренными итанцами, ваше высочество, – вежливо ответил Се-Нист тётушке, – а моя мать – урождённая Се-Стирен.

– Ах, это из того замка-с-волками, – повернулась тётушка к князю, её мужу, вспомнив старых знакомых.

Земли Се-Стиренов, действительно, были покрыты лесами, в которых водились весьма крупные волки. В своё время тётушка натерпелась там страху, когда, приехав погостить, услышали посреди ночи жуткий вой этих созданий.

– Да, припоминаю, – весьма кисло согласился её муж.

Кая, глядя на его огорченное лицо, рассмеялась. Он явно не заметил хитрых искорок в глазах жены, которая обожала дразнить его этим моментом.

– Дело в том, – пояснила свою смешливость королева для тех, кто был не в курсе этой истории, – что именно в том замке князь сделал тётушке предложение.

– Но, разумеется, она запомнила не это, а волков! – обиженно проворчал старый князь.

Тётушка демонстративно закатила глаза к потолку и проворчала в ответ:

– Замок-с-волками звучит короче и романтичнее, чем замок-в-котором-произошла-наша-помолвка, дорогой!

– Ну разумеется, куда мне тягаться с волками по степени романтичности, – не принял объяснения князь.

– Вот так каждый раз, – с лукавой смешинкой наклонилась Кая к Канлару. – А сейчас она непременно вспомнит про ночную серенаду...

Разумеется, королева угадала. Поджав губы, тётушка заявила:

– Во всяком случае, волки пели куда как громче и мелодичнее, чем вы, мой друг!

Князь, разобидевшись вконец, прижал руку к груди, призвал присутствующих в свидетели, и весьма хорошим для своего возраста голосом затянул один модный романс.

Хоть тётушка и отвернулась, и делала вид, что ей совсем не интересно, Кая и Канлар оба заметили, что выражение лица у неё самое довольное, а в глазах даже мелькнула сентиментальная слезинка.

– Ну полно, полно! – замахала она рукой на князя.

Тот не растерялся, поймал её руку и прижал к губам. Тётушка вознаградила его улыбкой, которая, несмотря на многочисленные морщины, выглядела по-юному нежной.

А разговор с эпиграмм плавно перетёк на романсы – тоже вполне достойный обсуждения предмет.

Глава десятая

В отличие от пышного бала по случаю помолвки, бал в честь святого Кадмия действительно был небольшим, почти домашним. Камерное торжество, призванное слегка украсить вечер и дать его участникам отдохнуть и повеселиться.

Для королевы это оказалось весьма своевременно – весь день её был занят делами казначейства, которые требовали столь пристального внимания, что даже выбраться на обед у неё не было возможности – так, перекусила чуть ли не на ходу перед балом, когда переодевалась. К счастью, на самом балу предполагался богатый фуршетный стол, а от Каи требовалась сущая малость – открыть торжество своим поздравительным словом и оттанцевать хотя бы тур. Дальше она могла даже и уйти, но, поскольку танцы, пусть и без фанатизма, любила, то предпочитала оставаться на подобных мероприятиях и, по возможности, отдыхать. Советники и приближённые знали эту её привычку, поэтому обычно не беспокоили королеву на таких вот домашних развлекательных балах, давая и ей возможность немного отвлечься от дел государства.

Отдав первый свой танец жениху, второй – главному финансисту, с которым они за сегодняшний день уже успели напориться до хрипоты, третий – Се-Креру, как всегда веселому и яркому, а четвёртый – снова жениху, Кая, наконец, позволила последнему отвести её к столикам.

– Ягодное пирожное! – с восторгом воскликнула она, разглядев, что придумали повара сегодня, и забыв, что собиралась поесть что-то более существенное. – Какая прелесть!

Канлар любезно подал ей желанный десерт, сам ограничившись бокалом лёгкого вина – даме, конечно, тоже достался такой же.

Изящно расправившись с пирожным и пригубив вина, она весело взглянула на жениха и сказала:

– Вы знаете, я всё думала над нашей дипломатической проблемой. И мне пришла в голову мысль, что её было бы легче решать с практической точки зрения.

– Поясните? – вежливо приподнял брови Канлар.

– Смотрите, – охотно принялась расписывать свою мысль крайне довольная собой Кая, – мы не можем разобрать нашу проблему теоретически, потому что не знаем, с чем нам придётся столкнуться. Но если мы для эксперимента попробуем столкнуть наши воли по какому-нибудь спорному вопросу, то нам сразу станут видны все подводные камни и мы сможем понять, как нам в таких случаях действовать.

Кажется, королева не очень хорошо себе представляла, как выстраивать межличностные отношения в условиях отсутствия субординации. Во всяком случае, более опытному в этом деле Канлару показалось не очень разумным раздувать на ровном месте конфликт, чтобы изучить, как оно вообще работает.

Однако глаза Каи сияли таким восторгом по поводу отличной придумки и таким желанием сейчас же пуститься во все тяжкие... то есть, поставить соответствующие опыты... что Канлар только и ответил:

– Допустим. Но как нам избрать предмет для столкновения?

Тут плечи королевы слегка опустились, и она честно призналась:

– Я так и не смогла ничего придумать.

С минуту Канлар молчал, потом повторил:

– Допустим. Я могу попробовать навязать вам разговор на какую-нибудь тему, которую вам не хотелось бы обсуждать. Достаточно ли это достойный спора предмет?

– Пожалуй, – с опаской ответила королева, которая только тут заметила в своём плане изъяны и поняла, что так привлекающее её исследование может оказаться вовсе не приятным.

Канлар немного похмурился, явно перебирая в голове всякие темы, потом взгляд его прояснился, и с коварной улыбкой он повторил в третий раз:

– Допустим! Я бы хотел узнать о ваших чувствах к красавчику-Се-Креу. Вам ведь не хотелось бы об этом говорить, я прав, ваше величество?

– Не хотелось бы, – подтвердила закаменевшая королева.

Канлар, напротив, оживился и отставил свой бокал:

– В таком случае, я настаиваю.

Королева бросила на него недовольный и колючий взгляд:

– На каком основании? Вас это не касается, мессир.

Лихо заломив бровь, тот постучал пальцами по фуршетному столику и возразил:

– Конечно же, меня это касается самым прямым образом. Вы выбрали меня в мужа, и я предпочитаю заранее узнать всё о моих потенциальных соперниках за ваше расположение.

Кая выглядела в крайней степени оскорблённой этим разговором. Ледяным тоном она ответила:

– Моё отношение к моим старым друзьям ни в коей мере вас не касается, и я запрещаю вам досужее любопытство такого сорта.

Изобразив всей своей фигурой недовольство, Канлар закатил глаза к потолку и, глядя на укрывавшие его барельефы, пожаловался:

– Я так и знал! Вы мне запрещаете, моя королева, кто бы сомневался!

Кая на мгновение нахмурилась и вспомнила, что цель их беседы была несколько иной, и, апеллируя к своему королевскому статусу, она обрубает всякую возможность любых исследований подобных вопросов. Ещё через секундочку Кая припомнила, что искала не покорного её воле консорта-марионетку, а полноправного партнёра, на которого можно будет без страха переложить часть обязанностей.

– А вы так сразу и сдаётесь, мой-почти-супруг? – с кокетливой улыбкой спросила она.

– А мне позволено игнорировать ваши запреты, моя пока-ещё-не-супруга? – ответил он в том же тоне.

Рассмеявшись, королева с удовольствием отпила вина и сделала приглашающий жест рукой:

– Рискните.

В глазах Канлара загорелись огоньки удовольствия от такой игры.

– Что же, я должен уговаривать вас рассказать то, о чём вам и так очень хочется поговорить? – невозмутимо заявил он.

Она посмотрела на него с искренним удивлением:

– Почему вы решили, что я хочу об этом поговорить?

Он отпил своего вина и пояснил мысль:

– Девушкам всегда хочется обсудить с кем-то свои любовные переживания. Уверен, что, в связи с вашими обстоятельствами, вы так ни с кем и не говорили по этому поводу. Так что решайтесь, дорогая невеста, пока я готов вас слушать! – подначил он её.

От такого аргумента сердце Каи сделало странный кульбит – по правде говоря, Канлар угадал с тем, что она ни с кем ни разу не обсудила своё юношеское увлечение, и это до некоторой степени давило на неё.

– Зачем вам эти бредни с истёкшим сроком годности? – отвернулась она, выбирая на блюде красивую виноградину, чтобы отвлечься.

– Вы не допускаете мысли, что мне в самом деле интересно? – настиг её его голос, который вот так, не глядя, казался не столько насмешливым, сколько ласковым, что отчётливо смутило её.

Кая неопределённо повела плечом, спиной чувствуя, что он сделал к ней шаг.

– Расскажите же, дорогая, – раздался его тихий голос неожиданно прямо у уха – наклонился он к ней, что ли? – Не заставляйте меня терзаться ревностью.

Она с удивлением обернулась и обнаружила его слишком близко, слишком пристально смотрящим на неё, слишком серьёзным на вид и слишком огорчённым во взгляде.

– Хорошо, – сдалась она, откладывая так и не надкусанную виноградину. – Хотя, право, тут не о чем говорить. Просто так получилось, что мы познакомились немного необычным образом, – губы её тронула улыбка детских воспоминаний. – Господин Се-Крер мальчишкой был ещё более беспокойным и бесшабашным. Он умудрился сбежать от отца в тот день, когда его привели представлять королю, и отправиться исследовать дворец в одиночку. Так мы и столкнулись – я шла с обеда переодеться к приёму, в простом домашнем платье, и он не узнал во мне принцессу, – чем больше она говорила, тем шире становилась её улыбка. – У нас завязался живой разговор, мы даже умудрились поругаться. После у нас уже не получилось выстроить формальные взаимоотношения – всякий раз вспоминали ту ссору и начинали смеяться. А дальше – вы сами знаете, – покачала головой она. – Он вырос в сердцеда, и не было при дворе девицы, которая бы не вздыхала о нём тайком. Почему бы мне стать исключением?

Канлар всё это время наблюдал за ней с улыбкой, и тут лишь покачал головой:

– Потому что вы умнее ваших сверстниц, ваше величество? – предположил он.

Королева польщённо опустила глаза и пожалала плечиками:

– Очевидно, в таких делах ум ничего не решает. Я вздыхала о нём где-то с полгода, а потом увидела, как он флиртует с фрейлинами, и обозлилась.

Они с минуту молчали, потом Канлар спросил:

– И каковы ваши выводы по поводу нашего эксперимента?

Королева бросила на него долгий изучающий взгляд и вынесла свой вердикт:

– Вы невыносимо упорны и хитры, и без поддержки королевского авторитета моя воля ничего не значит перед вашей.

– О, – только и смог отреагировать Канлар, не ждавший такого вывода.

– Вы давите, пока не достигнете своего, – развила свою мысль королева, – но давите не силой, напролом, а меняя тактику, выискивая слабые места противника, подбираясь к нему исподтишка, чтобы в нужный момент сломить сопротивление одним чётко выверенным ударом.

– О, – только и смог повторить Канлар, вслепую нащупывая свой бокал и делая глоток.

– Только не говорите мне, что вы этого не знали! – возвела глаза к потолку Кая, на секунду залюбовавшись расписным плафоном.

– Нет, почему же, – пришёл в себя Канлар. – Мне об этом уже говорили, но я полагал, что это преувеличение.

Кая всё-таки добралась до своей виноградины, после чего покачала головой:

– Не преувеличение.

– Вас это напугало, – помрачнел Канлар, и до того, как она успела возмутиться, предложил: – Но ведь вы всегда можете козырнуть вашим королевским величием.

Кая усмехнулась криво и посмотрела на него в упор:

– И ударить тем вас по больному?

– Справедливо, – признал он несостоятельность подобных козырей.

Спустя минуту молчания он заметил:

– Но ведь и я в реальных условиях не стану на вас давить.

– Очень на это надеюсь! – язвительно ответила Кая, одним глотком допив своё вино.

Посмотрев на неё с лёгкой грустинкой, Канлар предложил:

– Пойдёмте танцевать. Я вас измучил этим разговором и крайне сожалею об этом.

Кая приняла его руку и легко закружилась в вихре знакомых па. Что-то решив для себя за время танца, она улыбнулась и вернулась к теме:

– Я научусь у вас.

– Вот как? – с весёлым выражением лица переспросил он, радуясь, что она не выглядит больше угнетённой.

– Вы мой супруг, и вы меня научите всем этим вашим... приёмчикам, – лучезарно улыбнулась она.

– Хорошо, – искренне рассмеялся он такому рвению.

После танца Кая смущённо призналась:

– По правде говоря, я ужасно голодная. Составите мне компанию? Раз уж у вас всё равно теперь есть право находиться в моей гостиной!

– О! – радостно изумился Канлар. – Какие приятные привилегии это мне даёт! Конечно же, с радостью поужинаю с вами, – заверил он, мягко увлекая королеву к выходу.

Совместный ужин, право, был прекрасным завершением тяжёлого дня.

Ретроспектива

У мальчишки сердце замирало от восторга, когда он крался по коридору, украшенному огромными тёмными гобеленами. Хотелось остановиться и рассмотреть каждый в подробностях – вон там он точно узнал героев одного своего любимого рыцарского романа!

Мальчишка мечтал однажды стать героем такого романа – стать тем, о ком складывают легенды и поют баллады. Поэтому и сбежал от досужих взглядов при первой же возможности – когда ещё у него выдастся случай исследовать настоящий королевский дворец?

Во дворце, он был уверен, на чердаке водятся призраки, в подземельях живёт дракон, а в тайных закоулках прячется самая настоящая ведьма – ведь в каждом уважающем себя дворце именно так и должно быть! К сожалению, исследовать всё и сразу нельзя, поэтому пришлось остановить свой выбор на чердаке: с ведьмами связываться было страшно, а для дракона он был маловат. Вот призраки ему точно по плечу!

Поэтому мальчик целеустремлённо проигнорировал заманчивые гобелены и двинулся дальше, в поисках лестницы наверх.

К сожалению, добраться до неё он не успел – ему навстречу из каких-то широких дверей вышла девочка, за которой поодаль следовали разномастные служанки.

Мальчик заранее посочувствовал девочке: за ним тоже шла такая же толпа слуг, но он успел от них удрать, а она, бедняжка, из-за своего длинного платья не может решиться на побег – непременно запутается в юбках. Тяжко быть девчонкой!

– Мадемуазель, – изысканно поклонился мальчик, копируя взрослые манеры.

– Мсье, – изящно кивнула девочка, останавливаясь.

Мальчик отметил, что её служанки не такие назойливые, как его слуги, – остановились на почтительном расстоянии и не лезут мешать.

– Мадемуазель, – мальчику подумалось, что девочка может лучше ориентироваться в этих коридорах, – быть может, вы подскажете мне, где найти лестницу наверх?

– Она дальше по коридору, мсье, – удивлённо приподняла брови девочка. – Но что вы забыли наверху?

Польщённый её удивлением, мальчик решил произвести впечатление на даму:

– Я ищу чердак, мадемуазель, чтобы вызвать на бой здесь призрака!

– Призрака? – рассмеялась девочка. – Разве же здесь есть призраки?

– Непременно! – с важным видом заверил её мальчик. – Призраки – это непременно обитатели любого уважающего себя королевского дворца! Уверен, что здесь найдётся даже несколько!

– Я бы тоже хотела поохотиться на призраков, – кокетливо хлопнула ресницами девочка, и мальчик почувствовал себя Предводителем Суперважной Экспедиции.

Однако брат в напарники девочку показалось ему не очень здоровой идеей. Чтобы не отказывать слишком уж прямо и некрасиво, он отметил:

– Призраки – довольно страшные ребята, мадемуазель. Я не уверен, что вы найдёте их общество приятным.

Девочка оправила оборки своего платья и засветилась озорной улыбкой:

– Скажите прямо, вы боитесь, что в самый неподходящий момент я завизжусь и упаду в обморок!

Смутившись, мальчик покраснел, признавая её правоту.

– Смею вас заверить, мсье, этого не случится! – гордо блеснув глазами, пообещала ему девочка.

– Тогда ещё одно соображение, мадемуазель, – склонился к ней ближе мальчик и сказал на ухо: – Ваши служанки... они не пустят нас.

Девочка посмотрела на него победоносно и задрала носик:

– Пойдёмте! – развернувшись, она отправилась к лестнице, бросив своим сопровождающим приказ: – Ожидайте меня здесь, леди.

– Ого! – присвистнул мальчик, оценив послушность служанок, которые и не подумали возражать своей госпоже. – Славно ты их! Мои б с меня глаз не спустили.

Девочка явно была довольна произведённым впечатлением. С улыбкой она сказала:

– А вот и лестница. Только я не знаю, как выбраться на чердак – никогда не пыталась найти туда лаз.

– Ничего, я опытный! – заверил её мальчик.

После недолгих исследований лаз на чердак, действительно, был обнаружен, но тут их ожидало досадное препятствие: вход был закрыт на большой висячий замок.

– Какая жалость! – с искренним разочарованием подёрнула девочка замок своими тонкими пальчиками.

Мальчик, признаться, был разочарован не меньше, но поникший вид сообщницы, определённо, вдохновлял его на свершения.

– У тебя ипилька есть? – деловито спросил он, приглядываясь к причёске спутницы.

– Да, конечно, – удивилась та, машинально трогая руками волосы.

– Давай! – с азартом потребовал мальчик, протягивая ей руку ладонью вверх.

Не уловив смысла его задумки, девочка, тем не менее, послушно выпутала из волос ипильку и положила её на загорелую мальчишескую ладошку.

Обзаведясь этим нехитрым инструментом, мальчик принялся деловито ковыряться им в замке.

Прямо скажем, он не был большим мастером взломов, но дама ему удавалось порой проделать подобные фокусы, пусть и не с каждым запором. Однако в этот раз его поджидала неудача: возможно, на висячих замках этот способ не работал, а может, в королевском дворце замки были особые, с расчётом на злоумышленников со ипильками.

– Дай мне попробовать! – попросила девочка, когда стало очевидно, что взлом не состоится.

– Ещё чего! – возмущился мальчик. – Ты девочка, ты не умеешь!

Явно обидевшись, его спутница упёрла руки в бока и заявила, кивнув на замок:

– Ты тоже не умеешь, судя по всему!

– Это я-то! – вскочил возмущённый мальчик. – Да ты знаешь, сколько я таких замков взломал! Да я! Да я!.. – срочно ища себе повод оправдаться, он выдал: – Да это у тебя просто ипильки дурацкие!

В сердцах он бросил погнутую ипильку на ступеньки.

– Мои ипильки – дурацкие?! – от негодования девочка покрылась красными пятнами. – А ну подними сейчас же! – притопнула она ногой, указывая на скатившуюся на пол-этажа ниже ипильку.

– Вот ещё! – мальчик гордо сложил руки на груди. – Не буду я за твоими ипильками носиться!

– Да я!.. Да ты!.. – не нашла слов девочка, и дело явно могло дойти до детской драки, если бы вдруг с предыдущего этажа не раздался громкий голос:

– Ваше высочество! Ваше высочество, где вы?

С девочки мигом слетел весь запал. Она поникла и высунулась на лестницу:

– Я здесь, мадам! Сейчас спущусь!

Обернувшись, она заметила, что мальчик смотрит на неё во все глаза и не знает, что сказать. Скорчив ему вредную мордашку на прощанье, принцесса бодро понеслась по лестнице вниз, прихватив по дороге и злополучную ипильку.

В конце концов, их для неё делали из серебра, и этот металл, возможно, и впрямь не очень подходил для взламывания замков.

То, как мальчик проговорил скорее с восторгом: «Твоё ты высочество!» – она уже не услышала.

Глава одиннадцатая

Гостиная королевы была выполнена в сдержанных бежевых и коричневых оттенках. Панели из светлого дерева обрамляли набивной шёлк цвета слоновой кости, мебель была инструктирована перламутром, а пол – выложен узорным паркетом тона пыльной розы. Даже в вечернее время эта комната казалась светлее других – надо сказать, здесь играли свою роль большие зеркала, установленные за подсвечниками и отражающие свет.

Королева часто использовала гостиную для позднего ужина, если в её графике не находилось места для посещения столовой, и обычно эти ужины проходили в одиночестве – раньше, правда, к ней иногда захаживал отец, но это случалось нечасто.

Возможно, и в этот раз Кая предпочла бы поесть в одиночестве, но ей слишком хотелось обсудить результаты сегодняшнего опыта, чтобы ждать невесть сколько, когда у них обоих появится свободное время для разговора. Так что она решила совместить ужин с разговором – благо, с бала они ушли достаточно рано, и время до сна ещё было.

– Рассказывайте, – велела она сразу, как они устроились. – Как вы это делаете?

– Что именно? – изысканно не понял Канлар.

Кая сделала нетерпеливый жест рукой, описывая какой-то воображаемый полукруг:

– Вот это. Я ведь не хотела с вами откровенничать, как у вас получилось спровоцировать меня на разговор? – с живым любопытством спросила она.

– Хорошо, хорошо, – примирительным тоном ответил Канлар. – Раз уж вы настроены так решительно, я попробую объяснить, хотя это и сложно делать задним числом – обычно я импровизирую и полагаюсь на внутреннее чутьё. Давайте припомним вместе. Начал я, кажется, с лобовой атаки?

– Да, так и было, – живо подтвердила Кая, в ожидании ужина хватая со стола какой-то засахаренный фрукт. – Вы апеллировали к тому, что моему мужу положено знать подобные вещи.

Канлар слегка приподнял брови, словно удивлялся самому себе, с недовольством заключил:

– Надо же, как... неизящно. Впрочем, допустим. Лобовая атака, с одной стороны, помогает выяснить силы противника, с другой – заставить его мобилизоваться и влить весь первичный защитный потенциал в оборону от этого прямолинейного удара. На этом этапе можно понять, имеет ли смысл брать силой, или нужно действовать тоньше. Вы, скорее всего, всегда сталкиваетесь с тем, что можете действовать напролом – ваш королевский авторитет позволяет вам не размениваться на реверансы. В нашем же случае действовать напролом я бы не смог, потому что мои силы как будущего консорта заведомо меньше, чем силы правящей королевы. Поэтому я и не думал действовать прямолинейно, но сделал этот ход, чтобы заставить вас мобилизоваться.

– Хм, – задумалась Кая, косясь на двери в нетерпении – когда уже принесут ужин, в конце-то концов! – Вы правы. Я ожидала, что вы будете продолжать напирать на аргумент о вашем статусе, и была готова противостоять ему.

Тонко улыбнувшись, Канлар согласился:

– Так и задумано. Пока вы тратили эмоциональные силы на эту защиту, я сделал неожиданный удар изнутри. Это обычно самое сложное в дипломатии, но и работает без осечек. Нужно постараться встать на место противника и понять, почему ему выгодно сделать то, чего ты от него хочешь.

На этом месте им пришлось отвлечься на принесённые блюда; минут пять королева утоляла голод, после чего вернулась к теме:

– Да, вы, кажется, заявили, что мне самой хочется рассказать – и я была ошеломлена таким переходом. Я готовилась защищаться от ваших притязаний, а вы вместо того выставили дело так, будто мне же этот разговор и нужен.

– Да, иногда на этом всё и заканчивается, – поделился Канлар, выискивая на столе какую-то закуску, – человек понимает, что сделать по-вашему ему выгодно, и соглашение достигнуто. Но с вами пришлось повозиться, подбирая ключики.

Королева фыркнула в чашку и обвиняющим тоном обличила:

– Вы заявили, что вам интересно!

Он посмотрел на неё с искренним непониманием:

– Но мне и в самом деле интересно!

Она ответила столь же непонимающим взглядом.

– О! – наконец удалось выговорить ей. – Но я думала... разве это не игра?

Канлар наклонил голову набок, слегка подался вперёд, пристально разглядывая Каю, поднял одну бровь и, наконец, произнёс:

– За кого вы меня держите, дорогая невеста? По-вашему, я стал бы играть с вашими чувствами?

В смущении она отвела глаза, сделала глоток чаю и повела плечом.

– Я подумала, вы разыгрывали это как партию, – несколько невнятно пояснила она, не глядя на него.

Канлар опёрся локтями на стол, сложил пальцы домиком и попытался поймать её взгляд. Не преуспев, заметил весьма серьёзным тоном:

– Я, безусловно, разыгрывал это как партию, но это не отменяет того, что я был с вами искренен. Разве нельзя, по-вашему, научиться выгодно подавать свои искренние мысли и чувства, используя их для установления качественного контакта?

Она ничего не ответила на это, всё ещё прячась за чаем. Спустя некоторое время призналась:

– Я так и не поняла, как вам это удалось.

Со вздохом он пояснил:

– Это довольно просто, весьма примитивная схема. Я дал вам осознать, что вы в этом нуждаетесь, я дал вам понять, что ваши чувства важны и ценны, я убедил вас, что нуждаюсь в вашей откровенности. Поскольку вопрос, на самом деле, выеденного яйца не стоил, этого было достаточно, чтобы снять ваши внутренние запреты.

– Как это неприятно звучит, – немного подумав, отметила королева.

– Отчего ж? – с тёплым поощрением в голосе спросил Канлар.

Королева отложила чай и немного нахмурилась, вода пальцем по блюдецке:

– Это что же, из меня кто угодно и что угодно может вытянуть, просто заставив поверить, что моя откровенность нужна и ценна?

К её удивлению, он рассмеялся, откинувшись на спинку стула, после чего пояснил:

– Это вряд ли, ваше величество. Или вы всем позволяете преодолеть заслон вашей королевской воли? – насмешливо поддразнил он.

– Ах, точно, – несмело улыбнулась Кая, вспомнив, что у неё есть столь надёжный и крепкий рубеж. – Это утешает.

Канлар счёл мудрым промолчать и оставить при себе то мнение, что вот его, напротив, никак не успокаивает мысль, что ей настолько редко говорили о ценности её переживаний. Прямо скажем, ему пришло в голову то неприятное соображение, что ей вообще никто и никогда ничего подобного не говорил.

«Будем исправлять», – твёрдо решил он внутри самого себя.

– И что же вы думаете, у меня тоже так получится? – отвлекла его от мыслей неуверенным вопросом Кая.

Канлар пригубил чаю, потом ответил:

– Я по-прежнему не понимаю, зачем вам это, если у вас всегда есть аргумент вашей королевской воли. Для того же, чтобы разыгрывать реверансы с фигурами навроде нийского короля, у вас есть я.

– Вы правы, – с улыбкой согласилась она, – но теперь у меня есть ещё и отношения с вами, в которых, как мы выяснили, аргумент моей королевской воли несколько неуместен.

Пожав плечами, Канлар отпарировал:

– Не думаю, что в этом будет необходимость. Едва ли между нами возможны конфликты, требующие такого рода расшаркиваний.

Эта фраза несомненно обличала полное непонимание Канларом сущности брака. В самом деле, в этот момент он вполне уверенно полагал, что в их супружеской жизни не будет конфликтов. Вообще никаких. Ибо откуда им взяться, если это брак по расчёту?

А вот Кая явно своим женским чутьём что-то предвидела, потому что, нахмурившись, возразила:

– Я всё же полагаю, что мне стоит овладеть вашим искусством добиваться своего, чтобы выступать с вами на равных в случае необходимости.

– Хотите одолеть меня на моём же поле? – выгнул он бровь. – Дерзайте, ваше величество.

Он сделал приглашающий жест рукой, но Кая покачала головой:

– Не сегодня. Уже поздно.

– В таком случае, я удаляюсь, – поспешил встать Канлар, отложив чашку.

На прощание он опять поцеловал королеву руку, излишне задержав прикосновение.

– Вы меня смущаете, – снова высказала она, пытаясь отнять руку.

– Чем же это? – бросил он на неё озорной взгляд, прервав поцелуй и выпрямившись, но руку не отдав.

Она нахмурила брови и укоризненно сказала:

– Вы в самом деле не понимаете?

– Не понимаю, – согласился он, беря уже её ладонку обеими руками и усаживаясь рядом с ней на подлокотник её кресла, – я не сделал ничего неприличного. Всего лишь поцеловал вашу руку.

– Всего лишь? – брови Каи поползли вверх.

И раньше, чем Канлар успел понять, что она хочет сделать, она вдруг наклонилась вперёд и поцеловала его руку – ту, до которой ей было удобнее дотянуться.

От неожиданности Канлар вскочил, разом выпустив её ладонь.

– О-о! – развеселилась королева. – Да у вас уши пылают, господин Канлар! Что же это с вами? Я ведь всего лишь поцеловала вашу руку, ничего неприличного!

Несколько секунд он неизящно хватал ртом воздух, а затем искренне рассмеялся.

Кая сдержанно хмыкала в кулачок, поглядывая на жениха лукаво.

– И эта женщина дурит мне голову, уверяя, что вне своего королевского величия она ни на что не способна! – с восхищением воскликнул Канлар, отсмеявшись.

Польщённо улыбнувшись, Кая отметила:

– Едва ли бы этот фокус произвёл на вас столь глубокое впечатление, не будь я королевой, не правда ли?

– Клянусь честью, не знаю! – искренне заверил он, прикладывая руку к сердцу.

Спустя минутную игру в гляделки королева мягко заметила:

– Вы, кажется, уже уходили?

Проведя рукой по лицу, он ответил:

– Да, вы правы, – раскланялся и вышел.

Кая ещё похмыкала, допила чай и пришла к выводу, что вечер удался.

Глава двенадцатая

Канлар был одновременно заинтригован и раздосадован.

Заинтригован – потому что поведение королевы загадывало ему загадки, которые приятно будоражили ум и сулили впереди приятные открытия. Весьма многообещающий сюрприз для брака по расчёту.

Раздосадован – потому что год за годом, пятнадцать лет он почти каждый день видел эту девочку, девушку, женщину, наконец, – и даже на миг не заподозрил, что за её отстранённой манерой скрывается такой живой и, что греха таить, авантюрный характер. Весьма болезненный провал для разведчика.

Канлар, который за несколько последних дней уже успел навообразить себе за холодной королевской маской трогательно-невинную застенчивую девушку, вдруг обнаружил, что этот образ не более реален, чем та самая королевская маска. У опытного дипломата зародились подозрения, что в этой партии ведёт не он, а это с ним играют, закручивая его в вихре чужой интриги.

«Проклятье! – хмурился Канлар, складывая руки на груди и устремляя невидящий взгляд в окно. – Так я додумаюсь до того, что посчитаю её коварной соблазнительницей!»

Эта идея, к счастью, не выдерживала никакой критики: во-первых, график королевы был слишком плотным, чтобы успевать на досуге разбивать сердца, во-вторых, её любовные победы точно не могли остаться скрытыми от сплетников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.